

П Р О З А

Елена ИВАХНЕНКО

Родилась в Рыбинске в 1971 г. Детские годы прошли в Мурманске.

Закончила Рыбинский лесхоз-техникум, педагогический колледж.

С юного возраста пишет стихи, с 30 лет — прозу, публицистику, сценарии.

Стихи опубликованы в местной периодике, в коллективных сборниках «Струны души» (Рыбинск, 2000), «Чем жива душа» (Ярославль, 2011, 2012), в «Ярославском альманахе» (2009).

С 1998 г. неоднократно становилась дипломантом Рыбинских литературных конкурсов, дипломант фестиваля авторской песни «Золотое кольцо» (Дёмино, 2006), лауреат межрегионального фестиваля современной поэзии «Логорифмы» в номинации «Лирическая поэзия» (2010), лауреат II межобластного ежегодного поэтического конкурса «Чем жива душа...» (2011), финалист Костромского открытого конкурса поэзии «Предлог» (2012).

Живёт в Рыбинске. Работает в системе дополнительного образования, преподаёт в воскресной школе.

Повесть о том, как Наташа Краюхина радость дарила

Помню детство — семидесятые годы прошлого века. Прежде чем читать по букварю, мы, дети, уже читали по громадным буквам плакатов того времени: «Слава труду!», «Слава КПСС!». В каждом учреждении, даже в детсадах, — на видном месте обязательный портрет Ленина. Октябрята, пионеры, красные галстуки... Патриотическое воспитание было, а о Боге в душе нам не рассказывали. Над теми, кто носил крестики, смеялись. Справедливость, как и сейчас,

торжествовала не всегда, особенно в маленьком детском мирке, далёком от политики. И всё же люди были более сплоченными, более отзывчивыми.

Там, где моя настоящая мама

Ух ты, снега сколько! Все лавочки возле нашего детского садика засыпало! И все кусты во дворе заснежило. А на крыше беседки словно ещё одна крыша выросла — снеговая.

Наша воспитательница говорила, что снегу падать рано. Сперва праздники будут ноябрьские, а потом уже и снег. Вот и не угадала она! А ещё взрослая называется. Я и то знаю, что снег нарочно пораньше выпал, чтобы праздники пришли побыстрее и нас бы домой забрали. Потому что наша группа — круглосуточная. Других из детского садика каждый день забирают, а нас — только на выходные. Или на праздники. А до праздников ещё два дня. Вот сейчас варежку с руки сниму и посчитаю. Так... Целая ладошка — пять пальцев. Один загнуть — будет четыре. Это мне сейчас — четыре года. Но когда меня спрашивают, сколько мне годиков, я всегда полную ладошку показываю. Нет, не вру. Я знаю, что врать нехорошо. Просто хочется, чтобы побыстрее пять исполнилось. А дней в неделе от выходных до выходных тоже пять. Только эта неделя короче — четыре дня. Ещё палец загибаю. И ещё два. Два дня осталось. Ой, мамочки, как же эти два дня дотерпеть?!

Пока я считала, пальцы замёрзли и во дворе темнеть стало. Теперь снег и небо одного цвета. Мир сейчас как будто всего двумя красками нарисован: деревья и беседки — чёрного цвета, а снег и небо — синего. Я сажусь на качели и гляжу, как медленно-медленно небо становится темнее снега. Словно кто-то добавляет и добавляет в него густую чёрную краску. А фонарь у меня над головой, наоборот, светлеет. Он весь день спал, а теперь расцвёл. Когда мама в ванне марганцовку разводит, такой же цвет получается. А фонарь всё бледнее и бледнее. Будто мама в ванну воды долила и марганцовку разбавила. В такой воде она меня искупает, когда домой заберёт. Искупает, в полотенце завернёт и в макушку поцелует. И скажет обязательно:

— Цыплёнок ты мой мокренький!

Только этого ещё дождаться надо.

Вот и совсем стемнело. Всех уже домой позабыли. А мы, которые круглосуточные, остались.

— Хочу к папе! — ревет моя подружка Маринка Ковалёва.

Она бы к маме просилась, но у неё один только папа. А у меня одна мама. Но она, наверное, ненастоящая. Была бы настоящая — меня бы каждый день из садика забирала. Я так её об этом прошу! Значит, она ненастоящая. Так чего же о ней плакать? Настоящая моя мама, наверное, живёт на звезде. Воспитательница, Анна Николаевна, говорила, что только отсюда, с Земли, звёзды маленькими кажутся. А на самом деле они большие-пребольшие, и на некоторых из них живут люди, похожие на нас. Наверное, и мама моя там. Но до неё далеко-далеко. И если я закричу ей, она не услышит. А что если думать и думать о ней? Может, тогда она услышит и унесёт меня на нашу звезду. И там никто не будет ломать мои игрушки, отбирать конфеты и дергать за волосы.

— Наташа!

Я оглядываюсь. Мама! Я бегу к ней быстрее ветра.

— Нет, сегодня я тебя не заберу, — говорит она. — Я проведать тебя пришла.

И протягивает мне пластмассовую собачку. И ещё мандарин.

— Мне на работу пора. Ну, не плачь, Наташка, не надо. Ты же знаешь — я на двух работах работаю. Ну, всё, всё! Иди к ребятам.

Она уходит. Значит, всё-таки ненастоящая. Я же знаю, как волк к семерым козлятам приходил, мамой их притворялся. И про то, как он бабушкой притворялся, Красная Шапочка поверила.

Нет, та тётя, которая сейчас ко мне приходила, она не волк. Она не злая. Но — не моя. И этот детский садик тоже не мой. И эта улица за толстой оградой — тоже не моя. И автобусы, которые по дороге ездят, — тоже не мои. Там, где я была раньше, никаких автобусов не бывает. Это здесь взрослые боятся, что мы под машину попадём. А там, где я раньше была, так хорошо, что и бояться нечего. А как там красиво! Люди светятся. Только не так, как лампочка. И не так, как фары автобуса. На их свет глядеть совсем не больно, не то что на лампочку. Только я не помню, где это. Наверное, на звезде.

Шлёп! — это кто-то из наших в меня снежком кинул.

Дураки... Думать мешают. На нашей звезде таких дураков нет. Там никто никому не мешает.

Ещё снежок! И ещё! Надоели. И больно! А там, где я жила раньше, мне никогда не было больно. Только бы вспомнить, где это было. Почему про мою звезду мне никто-никто не рассказывает? Про то, где я раньше жила, молчат, как будто этого и не было. А вдруг и вправду не было? Вдруг мне просто сон приснился? Как обидно! Обидно так, что зареву сейчас!

Но словно какой-то голос говорит мне:

— Было! Было не во сне, а на самом деле. И будет опять. Когда ты снова туда попадёшь.

— А куда — туда? И когда я там опять буду? — спрашиваю я у Него.

Я не слышу голоса, который говорит со мной, но почему-то знаю, что Он, кто-то, говорит, отвечает мне. И ещё я знаю, что Он оттуда — со звезды.

— Ты меня с собой возьмёшь? — спрашиваю.

— Тебе ещё рано. Ты ещё ничего не сделала здесь. Ни плохого, ни хорошего.

— А что сделать надо? — спрашиваю я.

Обидно мне — неужели за просто так меня обратно на звезду не возьмут? Я ведь и делать ещё ничего не умею. Это что же, мне до взрослой ждать? И вообще, где Он сам-то? Тот, кто говорит со мной? Почему глазами я его не вижу? Знаю только, что Он совсем рядом. Я и маму так же угадать могу с закрытыми глазами — в комнате мама или уже ушла. А может, мне его поискать? Может, он со мной играет так? Я оглядываюсь. За беседкой Его нет, за деревом — тоже нет.

И вообще во всём дворе никого нет. Ни одного человека. Только снег молчит и падает, падает, падает. Я дёргаю двери садика — двери закрыты. Так и есть — все ушли, а про меня забыли. А может, не забыли? Может, нарочно здесь оставили, чтобы Кто-то пришёл и забрал меня на нашу звезду? Тогда пусть скорее забирает!

И я выхожу на середину садиковского двора, чтобы Ему было видно меня сверху. И жду. Сейчас! Сейчас! Прямо сейчас!

Почему я ничего никому не сказала

— Наташа! — Нянечка тётя Зина выбегает из дверей. Пальто на белый халат накинуто и тапочки на босу ногу. И лицо у тёти Зины сердитое. — Наташа! Ты где была? Почему не в группе?

Она берёт меня за руку и тащит вверх, по лестнице. Фу, как тут хлоркой пахнет! А на моей звезде всегда только цветами пахло. Я упираюсь, вырываюсь из тётизининой

руки и реву так, что горлу больно: мне надо во дворе остаться и дожидаться, когда меня заберут!

Но меня приводят в группу. Глаза у воспитательницы такие злые, что в них даже глядеть страшно.

— Ты почему со всеми не ушла?

— Меня забрать должны.

— Твоя мама сказала уже, что сегодня тебя не заберёт.

— А меня не мама заберёт.

— Кто же?

Я молчу. Я не знаю, как зовут *Его*, который со звезды.

Анна Николаевна объявляет:

— Ребята! Никогда не делайте так, как Наташа Краюхина. Сказано — идём в группу, значит, собрались все вместе и пошли. Понятно?

— Да! — отвечают наши хором.

— Наташу я накажу. И всю группу с ней вместе. Почему никто не заметил, что Краюхина во дворе осталась? Где ваша дружба? А если бы она там насмерть замёрзла? В следующий раз друг за другом смотрите, чтобы все на месте были. Сегодня я вас накажу — сказку на ночь я вам не прочитаю. А сейчас быстро ужинать! — Анна Николаевна хлопает в ладоши и ко мне в раздевалку возвращается: — Ещё не разделась? Тебя что — вся группа ждать должна?

Я раздеваюсь и иду за стол. А наши, которые уже за столом сидят, на меня так смотрят... Они всегда так смотрят, когда побить хотят. Рассказать ли им про *Кого-то*? Расскажу! А когда *Он* спустится за мной со звезды, они, конечно, со мной вместе запросятся. И тогда *Он* им скажет: «А вас я с собой не возьму. Потому что вы Наташу обижали». И мы с *Ним* улетим. А они по мне скучать не будут. Ну и пусть. Я по ним тоже не буду. Нет, наверное, Маринка Ковалёва будет скучать. Тогда я попрошу *Его*, *Он* и её тоже с собой заберёт.

— Наташа! Сколько можно сидеть над одной тарелкой? Не хочешь есть — неси тарелку няне.

Я и несу. Раз Анна Николаевна мне так велит. Бляц! Тарелка с кашей и стакан с молоком разбиваются. Брызги во все стороны! И Анне Николаевне — на новый костюм.

— О, господи! Что за непутёвая?

— Нет, я путёвая, путёвая! А ты — злая! И меня скоро на звезду возьмут. А тебя — не возьмут. Понятно?

Анна Николаевна меня не слушает. Она костюм свой под краном замывает. Я иду в спальню. А там наши на меня набрасываются и бьют.

— Это за сказку тебе, Краюха!

Меня бьют все, даже моя подружка Маринка Ковалёва.

Нет, я даже Маринку не возьму с собой на звезду. И *ничего никому не расскажу! Вот такушки!*

Там, где наказывают

Перед праздником приходит мама. Она ещё только в воротах садиловских стоит, но уже руки навстречу мне раскрыла и присела. И я уже знаю, что сейчас будет. И мчусь к маме. И падаю в её руки, она ловит меня и поднимает вверх. Я лечу! Мама кружит меня вокруг себя. Это не как на звезде, а как на карусели. Но всё равно летать так здорово!

Скоро мы дома будем. Но сначала нам надо на автобус сесть. До чего взрослые говорят неправильно! Не «на автобус» надо говорить, а «в автобус». Если бы «на автобус», так мы бы уж давно сели, прямо на крышу автобусную, и поехали. А ведь нам в двери забраться надо. Людей же там так много, что нам с мамой не поместиться. Так всегда бывает, когда все с работы домой едут.

— Наташка, давай в магазин сходим? А потом и народу будет меньше.

И мы с мамой идём в магазин. Какая там очередь длинная! Мама на цыпочки встала, но ей всё равно не видно, что достают и взвешивают.

— Кур выкинули, — объясняет ей толстая тётенька. — По штучке в руки.

«Почему выкинули? — думаю я. — Неужели они никому не нужны? И кто столько сразу кур выкинул?»

— Наташа, придётся постоять. Нас двое, значит, и кур дадут две, — говорит мама.

И мы встаём в хвост очереди. Мы стоим, стоим, а очередь не двигается. Вокруг меня — лес из пальто и шуб. Но в настоящем лесу дышать легко, а в шубном — душно. Потому что все люди в шубном лесу друг друга не любят, обзываются. Вон та тётенька обозвала другую. Кем — я не поняла, но, наверное, кем-то обидным. У той аж всё лицо от злости покраснело. Старый дяденька всем книжечку какую-то показывает и кричит: «Я — ветеран! Мне без очереди». «А мы что, князья?» — отвечают ему. И прибавляют такие слова, которые мама строго-настрого мне говорить запретила. Мама сказала, что слова эти — матерные и говорить их стыдно. А тёти и дяди из очереди, наверное, глупее детей, раз им не стыдно. От этого в магазине и душно.

— Наташа! Ты куда? — кричит мне вдогонку мама.

— Мама, я не могу! Мне душно!

Я убегаю к дверям. Там люди не злые — из магазина выходят уже с курицами. У кого — одна, у кого — две, а у кого и полная сумка, у тех, кто всей семьёй стоит. Скоро и мама моя выйдет. И она, в конце концов, выбирается из очереди с одной-единственной курицей. И притом совсем маленькой. А как устала она! И кажется, даже плакала в этой очереди. Бедная...

— Вот, — показывает она мне курицу, — только одна. Если бы ты со мной стояла, досталось бы две.

— Мне душно стоять.

— А мне не душно? Ты бы отдохнула и снова ко мне пришла. Не догадалась, непутёвая?

Мама меня ругает, и голос у неё дрожит. Она и в самом деле плакала. Надо было и вправду с ней вместе стоять. Нет, не потому, что нам тогда бы дали две курицы вместо одной. Не поэтому. Раз мама здесь, где так плохо, значит, она тоже за что-то наказана. А если бы я рядом стояла, ей бы не так тяжело было это наказание терпеть. Ведь станвится же Маринка Ковалёва со мной в угол, когда меня Анна Николаевна наказывает. Вместе стоять не так обидно. Что же я не догадалась? Родную маму не пожалела? Действительно, непутёвая...

Как меня подарили

Когда мы с мамой приходим домой, прямо в коридоре нас встречает соседский Мишка.

— А у меня-то звёздочка октябрятская! — хвастает он. — Меня сегодня в октябрята приняли.

На школьной форме у Мишки и правда — звёздочка. Красненькая, с лучами. А в середине портрет чей-то. Это так красиво! Я даже сначала не поняла, что это не настоящая звёздочка с неба, а только значок.

— Кто это? — показываю я на портрет.

— Ленин.

— Мама! — прошу я. — Мама, купи мне такую же звёздочку!

— Ты ещё не имеешь права её носить. Вот пойдёшь в школу — и там тебя в октябрю примут.

— Как это — примут?

— Такие звёздочки вам торжественно под музыку вручат на празднике. И приколют к школьной форме. Тогда будешь носить.

Мишка доволен, что ему можно звёздочку носить, а мне нельзя. Язык мне показал.

Наконец я дождалась, когда мама меня слушать стала. Когда курицу уже сварила, меня в ванне вымыла и спать уложила. Сейчас у неё голос не как днём. Когда она сердитая, у неё голос такой, что об него поцарапаться можно. А сейчас она голосом, словно руками, меня гладит.

— Мама, ты настоящая? Со звезды?

— С какой ещё звезды?

— Ты что? Забыла?

И я маме про нашу звезду рассказываю. А мама меня слушала-слушала, и глаза у неё такие большие стали:

— Ну, ты у меня и фантазёрка!

— Это хорошо или плохо? А ты всё-таки со звезды? Да, мам?

— Нет, Наташа. Я родилась и выросла здесь, на Земле.

— А я где родилась? И как это — родилась?

— Как ты замучила, Наташка!

— Я и так знаю, что я — со звезды! А на Землю я как попала?

Мама не отвечает. Тогда я пуще пристаю.

— Мама, мамочка, ну, скажи!

— Тебя аист принёс, — говорит мама.

— Откуда принёс? Со звезды?

— Да-да, со звезды. И мне подарил.

— На праздник? Как Мишке — звёздочку октябрютскую? А ты обрадовалась?

Мама смахивает слезинку, прижимает меня к себе крепко-крепко:

— Конечно, обрадовалась. А как же иначе?

Я понимаю, что это неправда. Мама не была мне рада. Но ей стыдно за то, что когда-то она меня не любила.

— А сейчас ты меня любишь! — говорю я маме и целую её. — И я тебя тоже люблю.

Кажется, маме понятно, что я разгадала её стыдную тайну. Ведь я сказала: «А сейчас ты меня любишь».

«А сейчас»... Значит, раньше — не любила. Да, мама поняла, что я разгадала её. И от этого ей ещё стыднее. Какие у неё слезы горячие! И я не знаю, что сделать, чтобы мама не плакала. Ну и дура же я! Ну и непутёвая! Никогда-никогда больше не вспомню маме, что она меня не любила. Пусть она забудет об этом! Совсем, совсем забудет...

Кто такая Люташа

У нас с мамой целых четыре дня, чтобы вместе побыть, — Седьмое и восьмое ноября, суббота и воскресенье. В понедельник с утра мама рано будит меня и одевает. Опять маме на работу, а мне — в садик. А когда она торопится, то пальцы у неё такие же щипучие-царапучие, как у Анны Николаевны. А мама на часы смотрит:

— Опаздываю. Пошли быстрее.

На улице у меня новая беда — резинка в рейтузах лопнула. И когда я иду, рейтузы с попы сваливаются. Как же идти? Мамино лицо тут же страшным становится. Отлупит она меня за рейтузы? А я виновата, что ли?

— Тьфу ты! — мама машет рукой. Вздыхает.

Не отлупила. На руки меня взяла и так, на руках, до автобуса понесла.

Хоть мама и сердится, а всё-таки у мамы на руках ехать лучше, чем ногами идти. Здоровско, когда резинка в рейтузах лопаётся!

— Мама, а почему у тебя щека холодная?

— Это у тебя холодная.

Я к маминой щеке своей щекой прищёчилась, и мы обе согрелись, и мне так хорошо стало! Как только на звезде моей было.

— Мама! А ты теперь — не ты. И я теперь — не я. Мы теперь — одна. Ты и я — вместе.

— Ага.

— Мам! А знаешь, как нас зовут? Тебя — мама Люда, а меня — Наташа, а нас с тобой... Мам, ну слушай!

— Слушаю.

— Лю. Таша. Вот. Люташа!

Мама молчит. А я разве молчать могу? Я имя наше пою:

— Лю-та-а-ша! Лю-та-а-ша! Лю-та-а-ша!

— Наташка! Перестань! В самое-то ухо!

— Мама! А Люташа, знаешь, какая? Она большая-пребольшая. И тёплая и пушистая.

И не боится никого.

— Кто?

— Да Люташа!

Мы подходим к детскому садик, и я вцепляюсь в мамин воротник:

— Не хочу! Не пойду!

— Наташа, перестань. Не на год расстаёмся.

Мама приводит меня в группу и раздевает.

— Мама, не уходи. А то ты с собой «Лю» унесешь, а «Таша» одна останется. А они вместе должны быть.

Я что-то по дороге в садик думала-думала и не додумала. Что-то хорошее. И это хорошее я маме сказать должна. А додумать получается только тогда, когда дверь за мамой закрылась. И я догоняю маму на лестнице, где холодно почти так же, как на улице.

— Мама! Я всё равно тебя на нашу звезду возьму! Честно!

Как я стала живодёркой

У нас в живом уголке стоит аквариум с золотыми рыбками. Как плавно у них плавнички шевелятся! А у меня уже целую неделю не получается додумать, на что они похожи. Только сейчас и вспомнила: где-то я видела одежду такую же, как эти плавнички, —

лёгкую, прозрачную, как туман. И она, эта одежда, шевелилась на воздухе, как плавники у золотых рыбок. Но на ком была эта одежда? Помню, что они светились и плавали в воздухе, как рыбки в воде. Может, это тоже на звезде было?

— Наташ! — Маринка Ковалёва подходит ко мне. — Пойдём играть в дочки-матери. Но я играть не хочу — я на рыбку смотрю. Мне же вспомнить надо!

Маринка оглядывается по сторонам — Анна Николаевна в спальню ушла, что-то там ищет. Из наших на нас тоже никто не смотрит.

— А давай вытащим рыбку, потрогаем? А? И обратно пустим.

Маринка ещё на той неделе это сделать хотела. Но на той неделе мне не хотелось. А одна она не стала.

— Давай! — говорю я.

И думаю, — может, плавники у рыбки на ощупь такие же, как одежды тех, которые летали? И если я рыбку потрогаю, я всё-всё тут же и вспомню?

Маринка рыбку достала. Рыбка в её руках бьётся, будто убежать хочет. Наверное, рыбке страшно.

— Дай! Дай мне быстрее!

Но Маринка отдавать не хочет, в кулак зажала и держит. А я у неё отнимаю. Рыбка падает на пол.

И тут к нам ребята из группы подбежали.

— Ты что, Краюха? Она же умрёт!

И они у меня рыбку отобрали.

— Та-а-к! Это что за безобразия?!

Анна Николаевна пришла. А рыбку наши как раз хотели в аквариум обратно посадить. Но рыбка мимо упала — на пол, а Анна Николаевна её подняла и сама в аквариум пустила. Только рыбка не плавает, как раньше, а на дне лежит и еле-еле плавниками шевелит.

— Это всё Краюхина!

— Это Краюхина рыбку достала.

— И отдавать не хотела! А мы только отбирали.

Меня опять стыдят. Опять до слёз. Маринка стоит и молчит и только глазами просит не выдавать её. И я не выдаю, я ведь больше виновата — дольше держала рыбку в руках. Анна Николаевна говорит, что рыбка теперь умрёт.

Я не знаю, как это — умрёт. Наверное, это что-то страшное. Анна Николаевна так смотрит на меня, что я плачу, хотя в угол меня ещё не поставили.

— Поплачь, поплачь! Живодёрка!

Я не знаю, что такое «живодёрка». Но Анна Николаевна говорит это слово так, будто бьёт меня этим словом. Вместо ремня.

— Живодёрка! — повторяют за ней все наши.

...На следующий день рыбка плавает в аквариуме кверху животом. Она будто спит, совсем не шевелится.

— Всё! Умерла рыбка, — говорят мне.

А я стою и плачу, плачу.

А ещё через день приходит мама. С конфетами и двумя апельсинами для меня. Ласковая, румяная с мороза. Навстречу ей Анна Николаевна и, конечно же, наши ябеды. Когда маме всё рассказали, мама тоже заплакала, как я.

Где же я видела это, когда человек только-только приходит, а его встречают там и пересказывают, что он натворил плохого, и плачут над ним, потому что за это плохое его отправят туда, где наказывают. Где я это видела?

— Вот! Смотрите на вашу Наташу, ей даже не стыдно. Стоит себе и ухом не ведёт, будто не про неё говорят.

А как я ей скажу, чтобы она поверила? Как скажу, что мне стыдно? Просто я сейчас додумать должна, где это жуткое место. Как его называют?

И я молчу. Кому и как рассказать о том, чему нет названия?

...После всего, что я натворила, со мной в группе никто не дружит. И даже Маринка. Потому что все не дружат, и она — как все. А во мне дрожит и дрожит, ноет и ноет обида, ведь Маринка-то знала, как было дело с этой рыбкой.

Она тоже виновата. А сама живёт как ни при чём.

Что пообещал Дяденька

Вечером нас ведут в спальню. А засыпать мне совсем одной придётся. Те, кто дружат, головами друг к другу лягут и руки друг другу протянут, за руки друг друга подержат, чтобы засыпать было не страшно, а если кровати у них не рядом, то хотя бы поглядят друг на друга.

А мне никто руку не протянет. И не посмотрит на меня никто. Можно и не ждать. Я же теперь живодёрка.

Тётя Зина уже и свет в спальне выключила. Темно. А в той комнате, где мы играем, свет не выключили. Дверь в ту комнату открыта, чтобы нам страшно не было. И, правда, если страшно очень, можно хотя бы на этот квадратик света смотреть. Он такой тёплый... В той комнате нянечки сидят и о чём-то своём говорят. Тихо говорят, чтобы мы уснули быстрее.

И вдруг... Что это? Только что в светлом квадратике никого не было, и вдруг — тётенька в длинном платье. Нет, это не нянечка. Она светится.

Она улыбается мне и подходит ближе. Она не по полу идёт. Потому что шагов я не слышу. Она над полом плывёт по воздуху.

Вот кого я вспоминала-вспоминала, да так и не вспомнила! Это её платье на хвостик у золотой рыбки похоже. Только ещё красивее. Потому что рыбка из аквариума — она всё-таки отсюда, с Земли, а тётенька эта *не отсюда*. Она вся прозрачная, из одного только света и воздуха. Таких людей здесь не бывает. Такие только *там, где я раньше жила*.

А тётенька подплывает к самой моей кровати. Да ведь это не тётенька, а дяденька. Он молодой и до того красивый, что на тётеньку похож. Он добрый, он меня любит. Мне он об этом не говорит, но я и так знаю. Это *он* со мной тогда во дворе садиковском разговаривал. В тот вечер я его глазами не видела, а знаю почему-то, что это *он* был.

— А я тебя помню, — говорю я ему. — Ты *оттуда, где я раньше жила*.

Как ласково он улыбается мне!

— А ты почему меня с собой не взял?

— Пока не могу, — говорит он мне. — Ты ещё здесь должна жить.

— Возьми меня опять к нам, — прошу я. — Здесь со мной никто не дружит.

— Подожди немножко, — шепчет мне дяденька из света. — Подожди. Скоро у тебя будет то, что ты хочешь...

— Подъём! Подъём! Дети, вставайте!

Тётя Зина громко хлопает в ладоши. Уже утро. А за окном темным-темно. И вставать не хочется!

А где же дяденька?

— Тётя Зина! — вскакиваю я. — А дяденька уже ушёл?

— Какой ещё дяденька?

— А такой... Такой, как рыбка! Только красивее.

— Ой, Наташенька! Приснилось тебе всё. Вставай.

— Где мой дяденька? — спрашиваю я всех в спальне.

Но никто не видел моего дяденьку. Наверное, все уже спали. А может, он так сделал, чтобы одна я его видеть могла? Или он мне в самом деле только приснился?

Кто такие Злы

В нашей группе новенькая. Я такой девочки ещё не видела. Она никогда не плачет. Даже в первый день, когда бабушка только-только привела её. Бабушка у неё старенькая, на веточку сухую похожая. А лицо у бабушки сморщенное, как яблоко печёное, и зубов нет. И ходит она еле-еле. А больше у новенькой никого нет — ни папы, ни мамы. Новенькая сама так сказала. Но она всё равно не плачет. Мне бы так!

Новенькая не плачет, даже когда её обижают. А у нас любят обижать новеньких, особенно Серёжка Мосин. Моська противная! Как новенькая пришла, он и давай её до слёз доводить. Она сидела, кубики собирала, а он нарочно их все развалил, пока воспитательница не видела. Новенькая ничего ему не сказала. Ушла. Взяла карандаши, рисовать стала. Моська подошёл с машинкой, как будто его машинке больше ездить негде, и прямо по её рисунку вжикать стал.

Я бы или подралась с ним, или жаловаться бы побежала, а новенькая вновь в сторону ушла. А Моська опять за ней. Все, думаю, в покое он её точно не оставит. А все наши за ним повторять будут — тоже будут новенькую обижать. Так же, как меня. Надо, думаю, за новенькую заступиться.

И вдруг я чудо увидела — новенькая стояла и не шевелилась. Она на Мосина глядела. Так глядела, как будто только что его увидела. Как будто он ей ещё ничего плохого сделать не успел. А Моська вдруг тоже застыл на месте. Стоит и молчит. И смотрит на неё, как заколдованный. Она отвернулась и ушла. И Мосин ушёл в другую сторону. Она его и в самом деле заколдовала, потому что если уж он хочет кого-нибудь побить, то уж побьёт обязательно. И всегда потихоньку, пока Анна Николаевна не видит. А тут он забыл про своё и сидит себе, своими машинками библикает. А новенькая с ним играть стала.

Я бы на него обиделась и больше не подошла. Она что, подлизывается к нему, что ли? Чтобы больше не бил?

А она подошла ко мне и говорит:

— Ты на него обиделась, а я не обиделась. Это и не он драться хотел — это Злы хотели.

Странно как... Я ещё не сказала, только подумала, а новенькая услышала. Как это она может? И какие ещё Злы?

— А кто такие Злы? — спрашиваю я у неё.

— Злы? А ты их не видишь?

— Нет.

— В тебя бы такие вцепились, ты бы тоже драться стала. А вот ещё мальчик — тоже со Злами.

— Мальчика я вижу, а Злов никаких не вижу.

К новенькой со всего маха подлетает Борька. Руки растопырил — это он играет, будто он самолёт. Полетел и нарочно новенькую задел. И ещё раз. Ей, наверное, больно, а она на него так же, как на Моську, по-волшебному посмотрела, и Борька тоже на месте замер. Новенькая посмотрела-посмотрела и в сторону отошла, как будто Борьку отпустила. Тогда и Борька ушёл.

— Видела? — спрашивает у меня новенькая.

— Ага. Как это ты?

— Да нет! Злов видела? Они в нём были, а потом из него все повывезали и убежали. Что, не видела?

— Нет.

Я и в самом деле никаких Злов не видела. Но новенькая не врёт — они на самом деле есть. Ведь говорит же нам Анна Николаевна: «Никакого зла на вас не хватает», — это когда она сердится. А мама моя по-другому говорит: «Из двух зол выбираем меньшее».

Значит, есть Злы поменьше и побольше, пострашнее и не очень страшные. А новенькая никаких Злов не боится. И я у неё спросила:

— А как это ты умеешь Злов из мальчиков прогонять?

— Это не я. Это *Дяденька мой Светлый*. Он так светится, что им смотреть больно. Они не от меня, а от *Него* убегают. У тебя тоже *Дяденька Светлый* есть. Он тебе тоже помочь хочет, а ты ему мешаешь.

— Как это я мешаю?

Обижаясь ты на всех. И любить никого не хочешь. А *Ему* от этого грустно, и потому *Он* светиться не может.

За что Лене спасибо нужно сказать

Новенькую зовут Лена. А фамилия Бертус, странная фамилия, нерусская. Вот и хорошо, что нерусская. У меня вот русская, так её и перевернуть легко на что-нибудь обидное:

Краюхина — Краюха.

Краюха — дам в ухо.

Краюшка-лягушка.

А вот попробуйте-ка Бертус перевернуть! Не сразу и получится! Наши и пробовать не стали. Потому что Лена на кого посмотрит, тому не хочется её обижать. А на меня она совсем не так посмотрела, как на Моську. Не так, будто в первый раз видит, а так, будто давным-давно меня уже знает и мне рада. Я её тоже где-то знала, дружила с ней уже. Но где?

Лена всех в группе старше — ей давно пять исполнилось. Она уже всё сама делает — сама на все пуговицы застёгивается и шнурки завязывает быстро, как взрослая. А я хуже всех в группе шнурки завязываю.

— Семеро одного не ждут, — говорит Анна Николаевна. — Все уже готовы, а Краюхина, как всегда, ещё копается.

И тётя Зина так говорит. И даже мама. И когда они меня за шнурки ругают, то шнурки, как нарочно, ещё хуже у меня в руках запутываются.

— Ладно уж, — говорит Анна Николаевна и наклоняется ко мне. И сама мне шнурки завязывает. — А где твоё спасибо?

— Спасибо... — бубню я.

Но спасибо мне говорить не хочется, мне зареветь хочется. Обидно мне почему-то. И так каждый раз. Хоть бы кто-нибудь догадался и не стал бы мне шнурки завязывать. И ругать бы не стал. Просто помолчал бы и подождал, вдруг у меня у самой получится? Но об этом только Лена Бертус и догадалась. В первый же день. И, пока я шнурки завязывала, она меня ждала.

И у меня получилось! В первый раз! И как это Лена узнала, что делать нужно? И надо ли ей за это спасибо говорить? Ведь не сама же она мне шнурки завязала, просто рядом постояла. А Лена и говорит:

— А я стояла и хотела, чтобы у тебя получилось.

Спасибо я Лене не сказала, но так на неё посмотрела, что она поняла.

Я вообще много за что Лене спасибо не говорю. А, наверное, надо. Хотя бы за то, что она лучше Маринки Ковалёвой.

Маринка, стоит ей чему-нибудь новенькому научиться, хоть зайца из «Ну, погоди» рисовать, так она сразу же и воображает: «А я-то вот что умею. А тебе-то не скажу, как». Это чтобы она одна умела, а все остальные в недотёпах ходили.

А Лена совсем другая. Если уж она читать умеет, она и меня учит. Но у меня пока буквы не заучиваются.

А в спальне Лене велели спать на той кровати, которая близко от моей. Нет, руками нам друг до друга не дотянуться, зато поглядеть можно. Прямо в глаза друг другу. Чтобы засыпать было не страшно.

Там, где мы дружили раньше

Сегодня Элька Зайцева сказала Лене:

— Не водись с этой Краюхиной — она живодёрка.

Это чтобы Лена не со мной, а только с ней, с Элькой, водилась. Обязательно ей надо выложить, что — живодёрка. А сама-то Элька вообще на той неделе описалась, как маленькая. Я об этом молчу, а Элька обо мне не промолчала.

А вдруг она или ещё кто-нибудь расскажет Лене, как я рыбку из аквариума замучила до смерти? И тогда Лена дружить со мной не станет.

Нетушки! Лучше я сама ей во всём признаюсь. Пусть Лена знает, что не такая уж я и плохая, как в группе думают.

А рассказывать обо всём лучше на улице, когда нас гулять вывели. Тут можно в сторону отойти, чтобы никто не слушал. И всё равно страшно, а вдруг Лена не поймёт? Я ведь так мало слов знаю, чтобы объяснить... Это взрослые объяснять умеют, а я разве умею? А Лена и говорит:

— Не надо, не рассказывай. Я же видела.

— Как ты видела? Тебя же в группе ещё не было. Ты потом пришла.

— Он мне сон такой показал.

— Кто?

— Он. Дяденька, который светится.

— Какой сон?

— Про тебя. Как ты вспомнить *Его* хотела. Только Он не как рыбка. Он не отсюда. Это Он мне сказал, что мы с тобой скоро в одной группе будем.

— Вот уже и в одной!

— А здоровско?

— Ага.

— А давай в догонялки? Чур, я вожу! — говорит Лена.

И я от неё убегаю. Но только совсем недолго убегаю — я же не хочу, чтобы она слишком долго водила. Это ведь обидно, когда водишь долго.

— Р-раз! — и Лена меня уже поймала. То есть я сама ей поддалась.

— Теперь я вожу!

— Нет, я опять, — спорит Лена.

Лене тоже хочется что-то хорошее для меня сделать. Хотя бы поводить подольше.

Наши в группе друг другу уступить ни в чём не хотят, вот и ссорятся. А мы с Леной совсем наоборот. Нам даже смешно стало.

А смеяться нам вместе так волшебно! Будто много-много смешинок волшебных во мне прыгают, а они такие воздушные, смешинки эти... Такие, что ещё немного посмеюсь и в воздух взлечу. Совсем как раньше. Там, где я раньше жила.

— Наташа, а помнишь — мы летучими были?

...И Лена о том же самом подумала...

— Что, не помнишь? Там, в Королевстве?

...Сердце моё стучит так, что, наверное, скоро выпрыгнет. Я всё поняла! Будто мне свет в тёмной комнате включили!

— Лена! Ты тоже оттуда?

— А я уж думала, что ты забыла.

— Ребята! Идём в группу! В групп-пу!

Это воспитательница. Как всегда — как самое интересное, так она и мешает. А мне ещё столько всего у Лены спросить надо! Столько вспомнить!

— Т-с-с! Потом скажу, — шепчет Лена.

А ещё у меня нога совсем замёрзла. Одной моей ноге давно уже холодно. Но с Леной так интересно, что я про неё, озябшую, только сейчас вспомнила.

В группу мы идём парами. И мне так весело, что мы с Леной с одной звезды, что даже дышать трудно. И ноги меня не слушаются. И когда я по лестнице на второй этаж поднимаюсь, то спотыкаюсь и падаю. И ребята, которые за мной парами идут, тоже спотыкаются и падают. И снова меня все ругают:

— Опять эта Краюхина...

Рука Лены ложится в мою руку. А с её рукой мне и лестница короче, и ступеньки ниже. Всё! Дошагали!

— Наташа Краюхина! Ну ты и Наташа-растеряша! Ты почему в одной калоше?

Ну вот... Анна Николаевна на меня лишь поглядела и сразу заметила, что у меня калоша только на одном валенке. А я-то понять не могла, почему одной моей ноге холодно, а другой — нет. Потому что тот валенок, который без калоши, промок совсем. Вот и холодно.

— Ну, пойдём искать твою калошу.

И мы с Анной Николаевной обратно по лестнице спускаемся. И во дворе калошу ищем. То есть это она ищет. А я могу разве какую-то калошу в снегу высматривать? Я на небо гляжу. Там, в небе, облака ходят. Хмурые, грязные, на вату похожие. Вот бы наше Королевство из-за этих облаков высмотреть! Но нет, не видно отсюда Королевства...

— Наташа! Я, что ли, должна твою калошу искать? А ты чего стоишь, зеваешь? Да вот же твоя калоша!

И с калошей в руках я поднимаюсь в группу. А там уже Борька с Андрюшкой подрались успели и поцарапать друг друга, пока Анна Николаевна калошу со мной искала. И те-

перь они ей друг на друга ябедничают: «А он первый начал!» — И друг на друга пальцами показывают, и ревут так, что хоть уши затыкай. Дураки какие!

А вот я теперь никогда не буду драться и ябедничать. И реветь не буду, как маленькая. Я ведь не просто девочка — я со звезды! С той же самой, с которой Лена! Но когда же она всё расскажет?

Не сейчас. Сейчас все обедать садятся. А я даже есть не могу, на Лену смотрю. А Лена не за моим столиком сидит и тоже на меня смотрит. Но она совсем спокойна. А я так не умею.

— Наташа Краюхина! Не по сторонам гляди, а в тарелку. В та! рел! ку! — Анна Николаевна стоит надо мной и пальцем указательным в мою тарелку тычет, будто что-то стряхивает со своего ногтя. И прямо мне в тарелку. От одного этого есть расхочется.

Суп я ещё кое-как в себя заталкиваю, потому что он жидкий, проскакивает. А котлетой давлюсь: кхе-кхе! И кашляю. Анна Николаевна хлопает меня по спине так, будто бы я ковёр, а она из меня пыль выколачивает.

А дальше тихий час. Нет, до конца тихого часа мне недотерпеть. И когда все, как положено, раздеваются и одежду на стульчики вешают, я быстро скидываю платье и колготки и к Лене бегу.

— Лена! Ну, расскажи! Расскажи!

— Наташа Краюхина! Нет, это не ребёнок, а чудо в перьях!

Я оглядываюсь на Анну Николаевну и ложусь в постель.

Но разве спать я могу?

— Лена! — шепчу я ей.

Она высовывает голову из-под одеяла. Она тоже не спит и даже не думает спать. Лена мотает головой:

— Нет!

И палец к губам прижимает. «Тихо», то есть.

— Дети! Все спим! — гроыхает голос воспитательницы.

○ чём забыли на Земле

После тихого часа полдник. А после полдника Лена сама берёт меня за руку и уводит к окну. Там как раз никого нет сейчас.

— Лена, а почему ты *Это* Королевством зовёшь?

— Надо же *Это* как-то звать.

— А тебе об *Этом* тоже не рассказывали?

— Об *Этом* забывают.

— А почему?

— Как сюда попадут, так и забывают. А потом думают, что ничего *Этого* нет. Только то, что здесь, — есть. Я тоже забыла в первый раз. А потом с нами авария случилась, мы все обратно *туда* и попали — папа, мама и я. И ещё люди. И мы, как попали *туда*, так сразу и вспомнили — мы же *там* были уже. Давно только. Все люди *там* были. Хотя бы раз. Только все забыли.

...Ну вот... А я-то думала — это мы с Леной такие особенные. Все самые обыкновенные — с Земли, а мы особенные — мы из Королевства. А мы, оказывается, и никакие не особенные... Даже обидно как-то.

— А всё равно я лучше их, — говорю я Лене. — Я-то уж не забуду.

— Не хвастай! — сердится Лена. — Ты и сама ещё не знаешь. Это сказать только легко — «не забуду». А будешь драться, как они, тоже забудешь.

И Лена мне на Борьку с Андрюшкой показывает. Они ещё до тихого часа подрались, а сейчас опять за своё: пластмассовый автомат не поделили. Какими словами они друг друга ругают! Самыми стыдными словами! А какие оба некрасивые-то стали! Не на людей похожи, а на двух волков из книжки про Красную Шапочку. Даже зубы по-волчьи оскалили, будто кусаться будут.

— Это Злы в них залезли, — говорит Лена. — Злы сами страшные и хотят, чтобы все на них похожими стали. Потому они и забыли про Королевство Радости. А то бы им стыдно было.

— Лен! — толкаю я её. — Прогони Злов.

А Лена не идёт. Бойтся, что ли? Но кто же ещё Борьку с Андрюшкой от Злов спасёт? Все наши на них уставились, как в телевизор, и ждут, кто кого отлупит. Кто победит, тот и автомат себе возьмёт. Одна только Анна Николаевна на них не смотрит. Пишет и пишет что-то в большущем журнале. Она не поможет.

А Лена назад обернулась и смотрит куда-то вверх, над моей головой, словно там что-то интересное и красивое появилось. Улыбается кому-то. И сжимает мою руку в своей крепко-крепко:

— Пошли вместе?

И мы с Леной прямо к ним подходим, к Борьке с Андрюшкой. И Лена смотрит на них, как тогда на Мосина смотрела. И они так же на месте застывают. И глядят на неё. И оба молчат, а потом в разные стороны расходятся.

И когда Анна Николаевна писать перестала и на нас посмотрела, всё уже спокойно было. И автомат, из-за которого Борька с Андрюшкой подрались, почему-то никому уже не нужен. Так на полу и валяется.

— Лена, а ты кого там, наверху, увидела?

— Там Дяденька твой Светлый был. Он сегодня так светится! Без *Него* бы мы и Злов не прогнали. Они же страшные! Это там, в Королевстве Радости, Злов не было. А здесь их, знаешь, сколько?!

Зачем их земле я?

— Нет, такого цвета там не было.

— А такого?

— Да. Только ещё воды добавь.

— Теперь совсем так.

Анна Николаевна подходит к нам. «Какие нежные цвета!» — Анна Николаевна улыбается.

Наконец она меня хвалит, а не ругает.

— Что же вы нарисовали?

— Королевство Радости, — отвечаю я.

— Вот сказочницы! Ребята! Смотрите, Лена с Наташей нарисовали Королевство Радости!

Посмотреть на Королевство Радости подходят все. И первой Маринка Ковалёва. И фыркает в нос:

— Подумаешь! Воображали! Я бы ещё и не так нарисовала.

Лена смотрит на меня и головой качает. Так на меня мама смотрит, когда говорит: «И не стыдно тебе?» Значит, я что-то не так сделала. Что-то стыдное. Но что?

— Зачем ты всем рассказываешь? — шепчет мне Лена.

— Они же тоже вспомнить должны. Сама говорила.

— А ты расскажешь так, что все поверят? Получится у тебя?

— Не знаю...

— Не получится. И будут тебя вруней звать. Скажут, что воображаешь со своим Королевством.

— Почему?

— Потому что. Я уже рассказывала. Когда в больнице после аварии лежала.

Как Лена сказала, так и вышло. Потому что мы с ней играем не в дочки-матери и не в больницу — мы с Леной играем в наше Королевство Радости. Кукол мы провожаем на Землю так же, как из Королевства людей провожают. И так же, как там, задания им даём: «Ты должен помирить на Земле двух царей. Только побыстрее, а не то случится беда».

Кукла кивает и кружится у меня в руках — это она уже на Землю улетает. Я сажаю куклу в угол, как будто она уже на Земле, и другую беру. Этой кукле мы другое наказываем: «Ты построишь такой волшебный дом, чтобы люди туда приходили грустными, а уходили весёлыми». И третью куклу на Землю отправляем: «Будешь ему помогать волшебный дом строить». Ещё одной говорим: «А ты должен их защищать. Потому что Злой король не хочет, чтобы волшебный дом построили».

Пока мы с Леной так играем, Маринка не очень далеко от нас сидит за столиком с мозаикой. Но мозаику она не собирает, она на нас смотрит. Долго смотрит. А потом подходит:

— Возьмите меня, я с вами хочу.

Но играть, как мы, она не умеет.

— Чур, я — Королева. У вас же Королевство, значит, и Королева есть. А это — мои слуги. — Маринка берёт кукол в руки и приказывает: — А ты, когда вернёшься, чтобы платье заграничное мне принёс, самое красивое. А ты — телевизор с мультиками.

— Не так! — кричим мы с Леной. — Не так надо!

А как надо, нам не объяснить.

А Маринка губы надула:

— Ну и ладно! Я с вами не играю. Тогда кукол отдавайте! Деловые какие — всех кукол себе забрали! Развоображались тут со своим Королевством!

Маринка забирает кукол и уходит. И что-то нашим говорит — одному, другому. Потом они все вместе на нас смотрят и рожки нам корчат:

— Ну вы, королевы-дуралевы!

— Вот видишь! — говорит мне Лена.

Я уже хочу ответить им что-нибудь пообиднее, но Лена головой мотает: не надо.

— Наташа, помнишь, зачем ты здесь? Какое тебе задание в Королевстве дали?

— А что, у меня тоже задание есть?

— У всех есть.

— Я не помню. Может, у мамы спросить?

— Спроси.

Я и спросила, когда мама стирала в ванной. А я, как зашла к ней в ванную, так и забыла, зачем зашла, — я сразу ей помогать стала. Ведь говорит же Анна Николаевна, что мы своим мамам помогать должны. И Лена Бертус так же говорит, она давно уже вместе с бабушкой посуду моет.

Мама сразу же и повеселела, как только я стирать с ней начала. Помощницей меня назвала. А какую мы с мамой пену руками взбили — белую, пушистую! Как снег!

— Мама! Снег! Смотри, снег сыплется!

Я поиграть хотела, будто снег из пены нам на головы падает, а мама на меня рассердилась:

— Уйди лучше! Не балуйся!

Всегда так: когда я маму развеселить хочу, она говорит: «Не балуйся». Ладно, уйду, раз мама так велела. Только когда я за дверь вышла, вспомнила, что у мамы узнать должна.

— Мама! А я здесь зачем?

— Если тебе стирать надоело, то лучше уходи, не мешай.

— Мама, ну зачем? Что мне делать надо?

— Спать тебе давным-давно надо, вот что. Ну-ка, в постель! Быстро!

И совсем она не поняла, о чём я её спрашивала. Я так Лене и сказала.

— Сама вспомни, зачем ты здесь.

— Как я вспомню?

— Как стихи. Стихи помнить умеешь?

— Не знаю...

И мы с Леной стихи учить стали. Сначала она мне их по книжке читает, а я потом вспоминаю. И рассказываю, как вспомнила.

— Вот, — радуется Лена, — стихи-то ты помнишь.

Где живёт моя Совесть?

...Уже и зима прошла, и утренник у нас уже был в честь Восьмого марта, а задание моё я так и не вспомнила. Зато на утреннике я целых четыре стихотворения рассказала! Больше всех в нашей группе! И меня похвалили! При маме!

— Развитая у вас девочка! Память у неё отменная!

Это так про меня маме сказали. А память у меня и была «отменная», только храбрости не было. Это же ведь страшно-то как — перед целым залом стихи читать!

А ещё маме сказали, что я послушной стала. А я вовсе и не их слушаюсь, я Лену слушаюсь, как маму. И если мне что-то непонятно, я всегда у неё спрашиваю, как у мамы. Я даже в садик после выходных без слёз иду, там ведь у меня Лена Бертус.

А ещё я выросла из всего, что носила. Мама удивляется:

— Как за уши вытянули! — И вздыхает: — Одежду новую надо!

И мы с мамой опять по душным магазинам ходим. Примеряем, снимаем, опять надеваем.

— Не надо мне такое платье!

— Это почему же?

— А мне как у Лены Бертус. Пусть мы с ней как сестрички будем.

— Где же я тебе найду всё, как у неё? Что куплю, то и будешь носить. И нечего кукситься! Ишь чего придумала — как у Лены.

Я так реву, что на нас оборачиваются:

— Женщина, успокойте ребёнка!

Мы уходим из магазина, садимся на лавочку. У мамы лицо такое, как в тот раз, когда я рыбку замучила. Я и в этот раз замучила. Только не рыбку, а маму. Она сама мне так сказала:

— Наташка, ты меня совсем замучила. Ну, совесть-то у тебя есть?

А я и сама не знаю. Вот мама у меня есть. А больше никого нет — ни папы, ни братика, ни сестрёнки. И Совести тоже, наверное, нет.

— Совесть у тебя есть? — повторяет мама.

— Нету. А Совесть — это кто?

— Тьфу ты! Отстань ты от меня! — сердится мама. — Пошли домой! Если тебе одежда не нужна — можешь вообще голой ходить! Капризуля!

Мама тащит меня к остановке.

— Мама, а Совесть где живёт?

Я её так спрашиваю, потому что узнать хочу — а может, она, моя Совесть, всё-таки живёт где-нибудь? Маринкина бабушка, например, под Ленинградом живёт. А ещё наш сосед говорил, что у него тёща — в деревне, а свояк — в Омске. А, может быть, и у меня Совесть тоже есть, только в другом городе?

— Мам! Ну, где Совесть живёт?

— Ох... Да нигде она не живёт.

— Значит, нет у меня Совести, — грустно вздыхаю я. — У меня только ты есть и Лена Бертус.

Почему мы не будем вместе

Листья на деревьях уже совсем развернулись, тепло на улице. А мы с Леной в одинаковых платьях!

Это моя мама купила сразу два платья — Лене и мне — в том магазине, где вещи только дешёвые продают. Эти два платья недорого стоили, потому что на них брак был — дырочки маленькие. А мама моя дырочки все зашила так, что их и не заметно.

До чего здорово, что мы с Леной одинаковые стали! Я подхватываю Лену, и мы кружимся, кружимся, кружимся вместе по садиловскому двору. Долго-долго кружимся, пока нас ноги держат.

Но что-то Лена сегодня не такая, как обычно, всё думает о чём-то.

— Скоро меня насовсем заберут, — говорит она.

И мне сразу страшно становится и холодно, хотя уже лето на улице.

— Как это — насовсем?

— Я больше не пойду в садик. Меня в школу отдадут.

— Ты же говорила, что тебе ещё долго до школы.

— Меня к врачам специальным водили. И врачи сказали, что в садике мне нечего делать.

— Это тебе-то нечего?

Да ведь в группе для Лены воспитательница всегда дело находит. То цветы полить, потому что Лена умеет воду не проливать. То стихи учить, то танцы к празднику. И даже книжки читать всей группе. Лену на стул усаживают, и она книжки нам читает, как взрослая. А ещё говорят, что Лене делать нечего! Ну и врут же!

— Мне учиться нечему в садике. Я уже всё умею, и меня в школу отдадут.

У меня в глазах закипают слёзы и катятся одна за другой.

— Не плачь. Ещё целая неделя осталась.

— А я с тобой хочу!

— Нельзя со мной. Не плачь, а то...

Лена не сказала, что случится, если я заплачу, оно уже случилось — она сама от меня заплакала.

В первый раз я увидела, как Лена плачет. И я бы всё, что она хочет, сделала, лишь бы её слез не видеть. Вот так же со мной бывает, когда мама моя вдруг заплачет.

— Ты приходишь будешь? А, Лена?

— Нет. Меня далеко увезут, под Москву. Бабушка так сказала. Не эта только, а молодая бабушка. Оттуда не придёшь. Но мы же встретимся.

— Где?

— Если даже здесь не встретимся, то в нашем Королевстве точно. Только я туда раньше тебя попаду.

— А если я с тобой?

— Наташа! Если ты вернёшься в Королевство, то вернёшься насовсем.

— Я и хочу насовсем.

— Ты там будешь, а мама твоя тут останется.

Нет, маму свою я люблю. А разве это честно — самой в Королевстве жить, а маму здесь оставить? А кроме меня у мамы нет никого, она сама мне так говорит. Когда я её спрашиваю, почему у нас папы нет, она отвечает: «Он слишком далеко уехал». — «А бабушки и дедушки почему нет? У других-то есть». — «Мы сами от них далеко уехали. И, вообще, нам и вдвоём неплохо. Ага?»

А вот и нет. Ей-то ещё как плохо — по лицу вижу. А если и без меня останется?

— Да, Лен. Вот если бы у неё кто-то вместо меня был...

— Будет.

— А когда будет? А он — кто?

— Не знаю. Будет! Увидишь.

— Ну, вот когда увижу, что она не одна без меня, тогда мне и в Королевство можно?

— Ребята! В группу! Строимся парами! — воспитательница подходит к нам. — Девочки! Я уже третий раз вам кричу, а вы как не слышите!

Чьи ножки быстрее бегают?

После тихого часа Лена читает нам сказку.

Такой сказки я ещё не слышала. Про то, как заяц расхвастался, что его длинные ноги быстрее бегают, чем ноги ёжика, — коротенькие и кривые. А ёжик обиделся и сказал, что он и на таких коротеньких и кривых ножках всё равно зайца обгонит.

Сказка, наверное, интересная, но я не слушаю, я на Лену смотрю. Вот скоро её и не будет со мной. Ещё ладошка, то есть неделя, — и всё! С кем мне тогда дружить? А может, что-то случится и никуда её не повезут? Может, передумают? Может, билетов не будет? Хоть бы что-нибудь случилось...

— «Как же это ты, ёжик, обогнал меня? На своих-то коротеньких лапках?» — читает Лена конец сказки.

А как это получилось, что ёжик зайца обогнал, я прослушала. Но всё равно я теперь знаю, что коротенькие и кривые ножки бегают быстрее длинных.

— Наташа! — Это за мной мама пришла. А с ней какой-то дядя. Он садится передо мной на корточки, весело подмигивает и говорит:

— Так тебя, значит, Наташей зовут? А меня — дядя Игорь.

И протягивает мне шоколадку. Значит, не жадный. И добрый, наверное. Но всё равно я его немножко боюсь — он такой большой-большой! Больше мамы!

— А я вот решил твою маму до садика проводить. А то, думаю, заблудится.

Это дядя Игорь шутит так. Значит, весёлый. А если не жадный и весёлый, то зачем его бояться? И я совсем осмелела и за руку его взяла.

Теперь я за две руки держусь — за мамину и за руку дяди Игоря. А за две руки держаться совсем не то, что за одну, — можно и ноги поджать, и тогда меня на весу несут. Я не иду, а в воздухе висну, совсем как в Королевстве Радости. То есть не совсем так, но всё равно здорово!

Домой мы приходим с дядей Игорем. И мама всё так же улыбается. А когда мне уже спать пора, мама отчего-то стесняется и говорит дяде Игорю, что уже поздно и ему домой пора.

— Мама, а пусть он у нас останется! Погостить!

Теперь они почему-то оба смущаются, и дядя Игорь говорит, что придёт завтра. Если мы не против.

— Мы не против, — дружно отвечаем я и мама.

Он уходит, а мама берёт меня на руки и вдруг... кружит по комнате, как карусель. Значит, ей до сих пор ещё радостно, значит, та радость, которую нам дядя Игорь принёс, не ушла вместе с ним, а на целый вечер ещё у нас осталась.

— Мам! А правда, он хороший?

Мама вздыхает, будто ей тяжело. Но лицо у нее не грустное, совсем даже наоборот. Но почему-то она стесняется говорить про дядю Игоря, улыбается только и молчит.

— Мама! А пусть он у нас папой будет.

— Если я ему очень понравлюсь, то будет.

Вот и хорошо! Теперь мне и в Королевство Радости можно. Если у мамы теперь дядя Игорь будет, значит, она не одна останется. А, может, и в Королевство мне уже не нужно? Вот ведь она — здесь, с нами, — такая же в точности Радость, как и в самом Королевстве...

...И вот настаёт завтра. Суббота. Я уже проснулась, но с постели ещё не встаю и слышу, как мама по комнате ходит, что-то трёт, двигает. Торопится. Потом всё стихает. Открываю глаза, а в комнате такой порядок! Занавески другие, скатерть праздничная и игрушки мои прибраны. А сама мама уже голову вымыла и сидит феном волосы сушит, а потом ресницы красит. Не люблю, когда она себе лицо раскрашивает. Это так долго! И лицо у неё тогда как чужое становится. Я даже боюсь её, раскрашенную.

— Зачем ты раскрашиваешься?

— Ну... чтобы красивой быть. Чтобы нравиться.

— Дяде Игорю нравится?

— А почему бы и нет?

— А-а-а... Ну, тогда давай раскрашивайся.

А когда приходит дядя Игорь, мы втроём идём гулять. И нам так же весело, как вчера. Наверное, мама ему очень-очень нравится. Что бы такое придумать, чтобы она ему ещё больше понравилась? Чтобы он у нас насовсем остался.

Мы в догонялки играем. Сначала я убегаю от него, потом — он от меня.

Как странно! У него ноги такие длинные и большие, как у зайца из вчерашней сказки, а он догнать меня никак не может. И в самом деле, длинные ноги бегают медленнее, чем маленькие

— А пусть теперь мама нас с тобой догоняет, а мы от неё убегаем.

Он сажает меня на плечи и бежит от мамы. Но мама его тоже догоняет очень быстро.

Вот я и придумала, что сказать дяде Игорю, чтобы мама ещё больше ему понравилась:

— А знаешь, почему мама так быстро бежит? Потому что ножки у неё коротенькие и кривые, как у ёжика, — шепчу я дяде Игорю в ухо.

— О чём шепчетесь? — Мама подходит к нам.

— Да вот ребёнок говорит, что у тебя ножки коротенькие и кривые, как у ёжика.

Мама так смеётся, что чуть не падает. А дяде Игорю почему-то не смешно.

— А я что-то раньше и не замечал. Отойди-ка, — говорит он маме, — я посмотрю.

Правда, что ли, кривые?

И больше им не смешно. Особенно маме. Дядя Игорь провожает нас до дома, но к нам не заходит. Говорит, что заглянет завтра. Может быть.

Вечером мама молчит и о чём-то думает, думает...

— Наташка, ты что же меня позоришь-то?

— Как позорю?

— А про ноги мои ты что сказала?

— Я не хотела позорить, мамочка!

И я сказку про ёжика и зайца маме рассказываю. И тут только понимаю, что середины не помню. Не помню, почему ёжик зайца обогнал.

— Дурочка ты моя, — говорит мама. — Слышала звон, да не знаешь, где он.

А назавтра, в воскресенье, дядя Игорь не приходит.

Мама целый день то из нашей комнаты в окно смотрит, то на кухню уходит — там в окно смотреть. Но дяди Игоря нет как нет.

Была у нас троих радость, совсем такая же, как в Королевстве Радости. Я думала, она у нас так и останется. И зачем я сказала про короткие кривые ножки? Это всё из-за меня, из-за дурочки...

Кого здесь зовут дураками

Всю эту неделю мы с Леной не можем нагуляться, наговориться и поиграться вместе.

— Лена, а может, ты не поедешь? Может, поезд сломается?

— Поеду.

Без Лены мне хуже будет. Я это знаю. И Лена тоже знает. Она уже не плачет. Она смотрит на меня совсем так, как мама смотрит, когда я простыла и мне горчичники ставить надо. «Да, это больно. Но надо», — говорит мама.

— Так надо, — говорит Лена, совсем как мама.

И вдруг... Что это с Леной? Она будто слушает что-то.

Лена и говорит:

— Бить тебя будут. Дурой будут звать. А ты не бойся ничего.

— Почему это меня будут дурой звать?

Мне даже обидно. Лена ни разу меня дурой не звала. Почему же теперь-то?

— Это не я. Другие будут, — говорит Лена.

— Почему?

— Ты здесь жить не умеешь, — говорит Лена. — В Королевстве ты знала, как жить, а как здесь, не знаешь. Ты и здесь будешь — как там. А здесь за это душой зовут.

Мне от Лениных слов страшно так, что даже холодно, — она же всегда говорит то, что будет.

Как же я без Лены? Это только она так умеет: кому в глаза поглядит — из того и все Злы убегают. А я так не умею. Если меня обижать будут, мне драться придётся.

— Только не дерись, — говорит Лена.

— Ага, не дерись! Ещё как и буду! И кусаться буду. И царапаться! Они меня бить будут, а я чего? На месте стоять должна? Нетушки!

— Не дерись! Наташенька, милая, нам с тобой драться нельзя.

— Почему?

— Мы с тобой — девочки. А девочки, когда дерутся, они о Королевстве забывают.

— Почему?

— Потому что. Я-то уже забыла в первый раз. А когда авария с нами была, я опять в Королевство попала. И мне там сказали, что я их забыла, потому что дралась. Даже с бабушкой своей дралась. А так нельзя.

— Так тебя из-за этого в Королевстве и не оставили?

— Не знаю, почему. Папу с мамой оставили, а мне сюда вернуться велели.

...В последний наш день Лена попросилась цветы в группе полить. На прощание. И Анна Николаевна ей разрешила. А пока Лена поливала, за нами уже пришли. За мной мама, а за Леной — бабушка. И я маму уговорила Лену подождать, чтобы всем вместе на остановку идти. Так мы хотя бы ещё немножко вместе с Леной побудем.

А пока мы Лену ждём, её бабушка моей маме всё рассказывает и рассказывает. Она Лену сиротой называет! Какое она слово странное сказала — «насмерть». Надо будет у мамы спросить, что такое «насмерть».

— Их-то обоих сразу насмерть, — всхлипывает Ленина бабушка. — А Леночку-то мы выходили. Дни и ночи возле неё просиживали. Ходить сызнова учили. Леночка-то опосля аварии как не в себе стала. Не бегаёт, не играет. Сядет и сидит. Вроде как спит сидя. А скажешь чего — дак ровно и не слышит. Может, думаю, о папе с мамой тоскует? А она говорит: «В Королевстве они, бабушка». В каком-то ещё Королевстве? Видать, это в больнице ей про Королевство-то сказали. Чтоб, значить, не спрашивала. Да, говорю, конечно, в Королевстве. Сердешная-то моя! — Ленина бабушка плачет и вытирает слёзы скомканным платочком.

«Если Лена говорит, что в Королевстве, то ей верить надо», — хочу сказать я. Но молчу. Ведь не поверят.

— Раньше-то, до аварии, я её всё за озорство ругала. Плакала от её даже. А тут... Вот как подменили! Хоть бы сломала что, как раньше, разбила бы... А то ить сидеть и сидеть, как неживая. Я и напугалась — голову, думаю, что ль, в аварии-то повредила, дак дурочка теперь. Нет, гляжу, книжки-то слушает, когда книжки ей читаю. Да ещё просит: «Научи меня». Сама, мол, читать буду. Таким макаром я читать-то её и выучила. Пяти ещё не было, а она уж... Вот и думай опосля — дурочка она али как?

— Ну какая же она дурочка? — говорю я. — Она всех в группе умнее.

— Верно, миленькая, — лицо Лениной бабушки собирается в улыбку. Все морщиночки её улыбаются.

— От ума-то её вся и беда. Как дочка из-под Москвы приехала, бабушка-то её, на Леночку как поглядела, так и стала с собой собирать. Она, говорит, способная. По врачам её потащила — это чтобы в школу-то её с шести взяли. И врачи-то по-ейному сказали — вундеркинд у вас ребёнок, говорят. Чего, говорят, ей в садике делать. Пуцай в школу идёт

с шести лет. Это махонька-то такая! Да кабы здоровая-то была... А то ить тока-тока опосля аварии оклемалася. Выучила, дура старая, себе на голову!

И Ленина бабушка сжимает кулачок и по лбу сама себя бьёт.

— Никуда бы от себя не пустила, — утирает она слёзы. — Да здоровья-то у меня на её нету. Я ить ей уж прабабушка. Уж мне на девятый десяток.

... И пока мы все вместе идём к остановке, Ленина бабушка рассказывает, что и где у неё болит. Мама слушает и головой кивает.

А мы с Леной впереди идём. Не слушаем никого. Мы ведь в последний раз друг на друга глядим.

— На! Возьми на память! — Лена откалывает от платья брошку-щеночка.

Я у неё этого щеночка просила поносить ещё раньше. И Лена мне давала. А теперь на-совсем дарит. А у меня нет ничего, чтобы ей подарить.

И только мы к остановке подошли, как автобус пришёл. И Лена со своей бабушкой села в автобус и уехала. Насовсем.

Что стало с Лениным щеночком

Теперь я без Лены. Я жду, что меня вот-вот бить начнут и обзывать. Лена ведь сказала, что это будет. Значит — будет. А пусть только попробуют, пообзывают. Я тогда такие для них обзывалки придумаю, что...

Но бить и обзывать меня почему-то не торопятся.

С Маринкой я не играю. А с другими играю, но разве это интересно? После того, как мы с Леной играли?

Я сажусь рисовать. Теперь карандаши моей руки слушаются и не ломаются почти. Это Лена научила меня рисовать так, чтобы карандаши не ломать. Я рисую Королевство Радости. И Лену Бертус, которая меня там встречает. Так мне как будто легче. Её брошечку-щеночка я к платью приколола. Я могу рукой его потрогать. Но когда он на платье, то на него никак не посмотреть. И я его от платья отколола, чтобы смотреть на него.

...Лучше бы я не откалывала. Тогда бы он не потерялся...

Я везде щеночка искала — и в раздевалке, и под кроватями, и во дворе. Но нет его нигде! Откуда у меня слёз столько? Даже Анна Николаевна удивилась, сказала, что щеночек таких слёз не стоит:

— Наташа! Скажу я твоей маме — купит она тебе такого же щеночка, в любом киоске.

— Не на-а-адо-о!!! Не хочу в киоске. Это Ленин был щеночек! — я даже говорить не могу, я не говорю, а вою.

Мне уже и реветь-то больно, и слезы уже закончились.

Анна Николаевна вздыхает и берёт меня на руки. И укачивает, как маленькую. Значит, и она тоже умеет доброй быть.

...А в пятницу — вот счастье-то какое! — дождь пошёл, и на прогулку мы в курточках вышли, и когда я руку в карман курточки сунула, то там, в кармане, конфету нашла! Это Лена давно ещё мне конфету дала, а я про неё забыла. Зато теперь она у меня есть! Последнее, что у меня от Лены осталось.

Эту конфету я на память оставить хотела. Только я так не умею, чтобы у меня конфета была, а я её не съела. Я терпела-терпела, но всё-таки съела Ленину конфету. У меня в

руках только фантик от конфеты остался, а выкинуть его мне жалко. А ещё жальче, что я щеночка Лениного потеряла.

И когда мы с мамой на остановке автобуса ждём, я кручу и кручу в руках фантик от Лениной конфеты, пока он не становится на того щеночка похожим. Вот — мордочка, а здесь — ушки, а тут — лапки.

Подходит автобус. Мы с мамой хотим пробраться, но никак, народу — тьма.

— Давайте сюда ребёнка, — кричат маме.

— Пойдёшь к тёте на колени? — спрашивают меня.

— Ага! — киваю я.

И меня подхватывают чьи-то сильные руки и передают какой-то тёте. Теперь я сижу у неё на коленях. И мама кое-как в автобус забралась. Двери закрываются, и тут только я вижу, что щеночка того, что я из фантика скрутила, — нет. Ни в руках, ни в кармане — нигде нет!

— Мой щеночек! Щеночек мой! — реву я на весь автобус.

— Какой щеночек? — спрашивают люди в автобусе.

— Мой щеночек! Мы уехали, а он там остался! На остановке!

— Женщина! Разве так можно, — говорят моей маме. — Завели щенка и бросили на остановке! А ребёнок страдает!

— Какого щенка? Не было у нас щенка, — мама моргает глазами, будто только что проснулась.

— Был! Был! Мой щеночек! — кричу я.

— Водитель, останови! — кричит какой-то большой дяденька. — Там на остановке собаку забыли!

Меня передают обратно маме в руки. Мы выходим из автобуса.

— Наташа! Ну что ты ещё выдумала? Какой ещё щенок?

А я ей не говорю, мне же некогда — я на остановку бегу. Я там щеночка найти должна. Но и на остановке его нет.

— Наташа! Что ты ищешь? Ищешь-то что?

И когда я маме, как глупой, объясняю, она головой качает:

— О, господи! Ну и дурочка! Уж давно ветром сдуло твоего щеночка.

Что такое «насмёрть»

Мы с мамой подходим к дому и слышим музыку на улице. А музыка не из радио играет и не из магнитофона, а настоящие музыканты прямо у подъезда стоят. Двое в мятые трубы дуют, а третий в медные тарелки бубухает. А музыка у них такая, что плакать хочется. И люди, которые у подъезда собрались, тоже невесёлые. Вон тётенька с первого этажа даже плачет.

— Мама, это что — очередь? Мама, а за чем тут очередь?

— Очередь, очередь, — вздыхает какая-то бабулька. — Все мы там будем, когда очередь наша придёт.

— Это похороны, — говорит мама.

Мы с ней пробираемся вперёд, туда, где тётенька с первого этажа плачет. А там, на табуретках, коробка большая стоит. Нарядная такая, красная. И в ней дяденька лежит. Тот, который с этой тётенькой всегда вместе ходил. Что же он здесь спать-то улёгся, прямо на улице? И как это ему музыка не мешает? И почему тётенька его рядом стоит и плачет?

— Он умер, — объясняет мама.

— А люди разве умирают?

А я-то думала, что только звери умирают. Как умерла рыбка, я, наверное, никогда не забуду. Слишком я виновата. А ещё я голубя видела без головы. Он был совсем как ненастоящий — твердый такой и холодный. «Голубь умер. Он мёртвый», — сказали мне.

И дяденька в красной коробке тоже, как тот голубь, ненастоящим кажется, как кукла большая.

— А умер-то отчего? — шепчет кто-то. — Совсем ведь молодой ещё.

— Током ударило на заводе. И — насмерть.

...Нарядную коробку с дяденькой закрывают такой же нарядной крышкой и несут в старенький автобус. Автобус уезжает, и люди расходятся. Мы с мамой тоже идём домой.

— Мама! А куда его повезли?

— На кладбище. Там похоронят. В землю зароят.

— Мама, а помнишь, одна бабушка сказала, что мы все там будем? Так это что — нас всех в землю зароят? И меня тоже?

А мама глаза кверху поднимает и вздыхает:

— Это ещё нескоро. Ты будешь жить долго-долго.

— А потом всё равно умру? Когда очередь моя придёт?

— Но ведь все умрут когда-нибудь.

— А ты?

— И я тоже.

А мне так страшно, что мама когда-нибудь ненастоящей станет, как тот голубь без головы...

— А что же — я умру и ненастоящей стану? И разговаривать не смогу?

— Не думай об этом. Это ещё нескоро.

— А когда того дяденьку зароят, он что там делать будет?

А мама плечами передёрнула, будто на сквозняке стоит.

— Да ничего не будет. Сгниёт и всё.

— Как сгниёт?

— Червяки его съедят.

— Совсем всего съедят? И ничего не останется? А если я умру? Не-е-ет! Не хочу, чтоб червяки меня ели!

Слёзы льются из меня, как вода из душа.

— Наташа, да успокойся ты, не реви. Вот послушай-ка: если ты будешь доброй и послушной, то не умрёшь.

— Правда?

А мама вроде как и сама не верит в то, что говорит. Только утешить меня хочет? Потому что когда она меня той зимой на уколы водила, то так же утешала: сказала, что это не больно, как комарик укусит. А на самом деле больно было, да ещё как! Может, мама и сейчас врёт? Лишь бы я не плакала?

Мама на кухню ушла — ужин готовить. А я, чтобы она меня больше не утешала, как глупую, потихоньку от неё реву — в подушку. Так, чтоб не слышно было....

...Как же там, у подъезда, про дяденьку мертвого сказали?

— Умер-то отчего?

— Током ударило. И — насмерть.

Насмерть. Вот про какое слово я маму спросить хотела и забыла. Где же я это слышала? Насмерть? А! Помню! Ленина бабушка говорила, что Ленины папа и мама «насмерть». И тоже о них плакала, как та тётя сегодня у подъезда.

А Лена сказала, что их в Королевство взяли. А может, и дяденьку с первого этажа тоже в Королевство взяли? А в красную коробку вместо него куклу ненастоящую положили. И сказали, что это — он.

Значит, и меня тоже, когда очередь моя придёт. Меня, *настоящую*, в Королевство заберут, а меня *ненастоящую* в такую же коробку положат. И все поверят, что это — я. И плакать будут... Дураки...

Как я артисткой стала

— Наташка! А ну-ка угадай, какая у нас с тобой радость?

Мама сейчас такая весёлая, даже на девочку похожа.

— В кукольный театр пойдём?

— Нет! В Сочи едем! — Мама даже подпрыгнула от радости. — Мне отпуск дают. И мы с тобой поедem на юг, в Чёрном море купаться.

— В чёрном? Так мы же испачкаемся!

— Нет, оно только называется Чёрным.

И мама показывает мне его на карте, где все моря и океаны нарисованы. Билеты туда стоят дорого. Да и жить там «влетит в копеечку». Так наша соседка тётя Лиза сказала.

Но ведь мама не зря целый год на двух работах работала. Раньше у нас в комнате только шкаф стоял и моя кровать. Мама на раскладушке спала. А вместо стола у нас большой ящик был. Мы его клеёнкой клетчатой накрывали. А за зиму мама настоящий стол купила. А потом шкаф, диван и два кресла. И ещё у неё денег осталось, чтобы на юг со мной съездить.

Как это долго всё: чемоданы собирать, за билетами стоять, а потом места свои искать в вагоне! Зато, когда поезд тронулся, так интересно стало! Ведь поезд быстрее автобуса едет. А кажется, что не поезд едет, а картинки за окном бегут быстро-быстро, как в кино. И ветер задувает в форточку.

Мама уже с соседями познакомилась. А я что же? Мне тоже знакомиться надо. Соседей тут — целый вагон. И какие все разные! Есть совсем русские, есть похожие на Тамару Нижерадзе из нашей группы — с чёрными глазами и волосами, как шуба соседкина из чёрного каракуля. А есть тут люди с лицом плоским, как блин, с узкими глазами. Как Курманбеков из старшей группы. «Наша страна — многонациональна», — объясняла Анна Николаевна.

А говорят здесь, в вагоне, тоже по-русски. Но так, что не сразу их и поймёшь: один картавит, другой слова растягивает, третий, наоборот, торопится, будто боится, что его не дослушают. А один дядя на «о» говорит, будто всех посмешить решил. А вон та тётя вроде русские слова говорит, но какие-то смешные. Я таких и не слышала. И все друг с другом знакомятся, улыбаются, угощают друг друга. Значит, можно жить и не ссориться! Даже если один на другого не похож. Не то, что у нас в группе.

*Над тобою солнце светит,
Родина моя!
Ты прекрасней всех на свете,
Родина моя!*

Это София Ротару поёт. Здесь на каждой стенке радио маленькое приделано, и она из радио поёт. Мы под эту песню танец на Первое мая в садике танцевали, так что я эту пес-

ню хорошо знаю. Но чтобы всё, как в песне было, — сразу столько людей разных: черных, рыжих и льняных, — такое я только сейчас увидела!

И я вместе с Софией Ротару запела. Потому что сейчас всё как в песне: и солнце светит, и люди, как солнца, — добрые. Лица у них — разные, и волосы — разные. Но все они — моя Родина.

*Я люблю, страна, твои
просторы.
Я люблю твои леса и горы,
Синие просторы и глубокие моря.*

А леса и горы — тоже здесь! Вот они — за окошком пробегают.

*Я, ты, он, она!
Вместе целая страна!*

И так здоровско, что мы с Софией Ротару сразу про всю страну поём! Так здоровско, будто я опять в Королевстве Радости!

И тут София Ротару петь перестала. И я тоже. Гляжу, а люди, те, кто в вагоне, все на меня смотрят и улыбаются. Значит, я хорошо делаю, что пою.

— Я ещё и стихи знаю, — говорю я людям. И я читаю им «Мойдодыра». И «Муху-Цокотуху». Громко и выразительно, как мы с Леной учили. И даже не стесняюсь ни чуточки!

А как мне в ладоши хлопают! Как артистке настоящей! На утреннике в садике мне и то так не хлопали. А смотрят на меня как! У нас в садике только на Деда Мороза так смотрели, когда он к нам на утренник приходил. И всем его потрогать захотелось — он же волшебный. Вот и меня тоже все сейчас трогают: кто по голове гладит, кто целует, кто руку жмёт. Будто я тоже Дед Мороз. Только я не подарки сегодня раздаю, а радость свою. Я её на всех разделила, как в Королевстве. И глаза у всех сейчас такие, как только в Королевстве бывают.

Начали меня конфетами угощать, и печеньем, и всякой разной вкуснятиной, которая даже не знаю как называется. Ой, как много! Даже в карманы не вмещается! И тогда я подол загибаю, и мне все в подол складывают. И только тут я маму вижу. Она рядом стоит и головой качает. И покраснела почему-то. Опять я, что ли, стыдное сделала?

— Дочка, как не стыдно? Будто милостыню собираешь.

— Ничего! — Тётя, у которой место рядом с нами, за меня заступилась: — Артисткой она у вас станет!

И на колени меня взяла.

Наутро весь вагон зовёт меня «наша артистка».

— Как нашей артистке спалось?

— Артистка! На-ка, угощайся. Бери-бери, тебе расти надо.

Как море чуть меня не проглотило

Вот оно, море, — шумит, шевелится и будто светится снизу зелёным светом. Начинается море отсюда, где песок, где люди загорают, а где кончается — даже не видно, сколько ни гляди вдаль. Солнце в море отражается, будто много-много солнышков маленьких в зелёной воде подпрыгивают. Мне быстрее хочется море потрогать, но быстрее — никак. Здесь на пляже людей столько, что между ними ещё пройти надо и никого не задеть.

И мы с мамой пробираемся по сыпучему тёплому песочку, а вокруг лежат, сидят, играют, бегают. Но вот, наконец, и море. Я бегу к нему по мокрому песку по той кромке у воды, до которой докатываются волны. А море бежит навстречу мне. Вот мы и встретились!

Море до коленок мои ноги закрыло. А маме до коленок не достало — мамины коленки выше моих. И мы глубже в море заходим — до маминих коленок. А где маме до коленок, там мне почти до трусиков.

А тут на нас волна как накатит! Как чудище зелёное! Огромное, но такое красивое! И, ах! — проглатывает маму почти до пояса, а меня вверх подбрасывает. И тут же отбегает, откатывается. Разбивается сзади нас о берег в мелкие брызги, в шипучую пену. А за этой волной ещё волна. И ещё.

— Мам! А море притворяется, будто съесть нас хочет?

— Оно и съедает. И не таких, как ты, съедает, а целые корабли. Пойдём-ка на берег. В первый день много купаться нельзя — простудишься.

И мама из моря выходит. Я за мамой сначала пошла.

И вдруг навстречу мне — арбуз. Прямо по морю плывет, полосатый такой и большущий, как мяч надувной. А за арбузом дяденька бежит: «Ой, держи, держи!»

А арбуз от дяденьки — с одной волны на другую, с одной на другую! Значит, не только Колобки убегают, и арбузы тоже. А дяденька не раздетый, как на пляже положено, а одетый и обутый, как на улице. Ему сначала раздеться надо, чтоб арбуз в море ловить. И он уже раздеваться начал, но ведь пока он раздевается, арбуз уже во-о-н куда уплывёт. Я лучше сама ему арбуз поймаю.

И я за арбузом по морю погналась. И догнала!

Арбуз-то я догнала, а дно потеряла. Хочу дно ногами достать и не могу — не достаю до дна!

Рядом тёти и дяди большие купаются, мяч друг другу кидают, смеются. Им тут — под мышку. А мне тогда покуда? Ой, да я же под воду ухожу! А им так весело... Они близко и так в воде плещутся, что от них волны ходят. Даже не видят, что со мной — страшное.

А мама уже далеко отсюда, только спина её видна. «Мама!» — хочу я крикнуть ей. И не могу — только я рот открываю, как туда вода льётся. А вода в море не такая, как из-под крана, морская вода горько-солёная. Её не проглотишь.

Ой, волна катит! Красивая... Зелёная... Но она меня сейчас проглотит. Мама же говорила, что море даже корабли большие проглотить может. А меня-то уж — запросто.

Как близко мамина спина... И как далеко... Если бы по пляжу, тогда бы я до неё добежала и даже устать бы не успела. А тут как? Как? Хоть бы она обернулась! Хоть бы обернулась!

И мама обернулась.

— Наташа! Наташа! Ты где?

«Здесь!» — хочу я ей крикнуть. Но она уже сама меня увидела. Уже идёт ко мне.

А тут волна обрушивается на мою голову. Вот море меня и проглотило. Я под водой. Нет! Нет! Не хочу! Я к маме хочу!

Сильные руки, самые лучшие руки на свете, поднимают меня из воды.

— Наташа! — По голосу понятно — мама ещё больше меня забоялась. — Наташа!

А я воду из носа сморкаю. Нахлебалась. Мама выносит меня на берег:

— Будешь ещё убежать? Будешь? Будешь!

Мама шлёпает меня без всякой жалости. А я вою, как машина скорой помощи: больно же, когда шлёпают.

— Да хватит вам, мамочка!

- Живого места не оставите на ребёнке!
- Смотрела бы лучше за ребёнком, чем лупить...

Люди подходят и заступаются за меня.

— Я-то думала — она за мной бежит, — рассказывает мама людям, — а она и не думает. А тут ещё тоже девочка беленькая, в аккурат моя Наташка. И в таких же трусиках. Не сразу и поняла, что не моя. Оборачиваюсь — а моя вон где! Вот тебе! — грозит мне мама кулаком. — Только убеги ещё! — А сама плачет.

Ну и пусть она мне кулак показывает. Зато теперь я навсегда знаю, что она — моя настоящая мама. Я её даже позвать не смогла, а она обернулась, всё равно меня услышала! А другие взрослые даже не поняли, что меня спасти надо, хоть и рядом играли. Потому что чужие.

Как меня купить хотели

Вечером мы с мамой гуляем возле гостиницы, у клумбы.

— Ну и злыдень ты, Наташка! Сегодня чуть не утонула. А завтра что? Что ещё преподнесёшь?

И глазами опять будто в меня выстреливает. Сердится. Когда она на меня так смотрит, мне всегда спрятаться хочется.

— Мамочка, ну прости. Я больше...

— Да будешь, будешь. Издевательница ты! Убить тебя мало!

Я молчу. Может, мама так сказала просто потому, что сердится? И лучше уж забыть, не вспоминать... И она чтобы забыла. Надо ей о чём-то другом сказать. Побыстрее.

— Мам! Смотри — книжка, — я поднимаю с лавочки маленькую книжку. — Такая же, как у нас в садике.

— Потерял кто-то.

— А я стихи знаю из этой книжки. Мы их с Леной Бертус учили. Мам, слушай:

— Купите лук, зеленый лук,
Петрушку и морковку.
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку.
— Не нужен лук зелёный,
Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка.

Я думала, мама меня похвалит за то, что я стихи помню. А мама сидит на скамейке и вздыхает:

— Да-да... Вот уж не знаю, кому шалунья и плутовка нужна. Особенно такая, как ты! Я бы такую не то что не купила — даром бы не взяла неслуха такого!

Нет, как ни старайся, а сердиться мама ещё не перестала. А, может, она меня не любит? Сказала, что даром бы меня не взяла...

Вот уже и звёздочки в небе зажглись. Одна, другая, ещё три. Ой! А в траве что? Тоже звёздочки? А тогда почему они бегают?

— Мама! Это что?

— Светлячки.

— Их трогать можно?

— Ох... Ну, можно, можно.

— А себе взять можно?

— Да, бери, бери.

И я в траве ползаю. Мне же надо жучков-светлячков насобирать. Я их домой отвезу. Пусть они у нас дома светятся. Мама на лавочке сидит, на меня смотрит.

И тут к маме три дяденьки подошли. О чём-то заговорили. Почему мама так испугалась? Может, её ругают из-за меня? Неужели светлячков ловить нельзя?

— Наташа! Быстро ко мне!

Мама подбегает ко мне, берёт меня на руки и уходит от дяденек. Они обгоняют нас и загораживают маме дорогу:

— Всё равно ведь одна растишь, — говорит один.

А мама меня к себе прижимает.

— Тебе столько за неё хватит? — другой дяденька маме деньги хочет дать. Он их в руке держит, как веер, много-много денег. — А столько? — Он достаёт ещё такой же веер.

— Молодая! Другую родишь, — говорит третий дяденька.

Мама молчит, но я слышу, как у неё сердце колотится — будто она бежала только что. Чем они напугали её? И мама удирает от них со мной на руках. Я и не знала, что она так быстро бегать умеет. Сердце её стучит, и каблучки стучат так же испуганно:

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

От клумбы до гостиницы:

— Тук-тук-тук!

От первого этажа до нашего:

— Тук-тук-тук!

Даже без лифта — прямо так, по лестнице. И со мной на руках! И от лестницы по коридору:

— Тук-тук-тук!

До самой нашей двери!

— Ух!

Мама отпускает меня на пол, закрывает дверь на ключ и валится без сил на кровать.

— Почему ты от дяденек убегала?

Мама молчит.

— Ой, я светлячков забыла!

Я хочу дверь открыть, а мама так меня за руку схватила, что мне больно стало.

— Щас таких светлячков тебе дам! Чтобы от меня — ни на шаг!

И пальцем грозит. А лицо у неё такое, что и в самом деле шага от неё не сделать — тогда точно отшлёпает.

— И ни к кому не подходи! Ясно? Ни к тётям, ни к дядям. Даже если конфеткой угостят.

— Почему?

— Дура! Тебя купить хотели.

— А так бывает?

— Значит, бывает.

— Мама... ты меня не продашь?

— Совсем дура...

— Но говорила же, что я тебе даром не нужна?

— Ой, Наташка! Надоеда ты! «Почему да почему»...

Она берёт меня на руки и выходит в коридор, к телефону.

— Алло? Девушка, подскажите, пожалуйста, когда первый автобус? А? Во сколько? Угу... Угу... Спасибо.

...За автобусным окошком мелькают то горы, то море. А ещё деревья высоченные. У них все ветки к стволу прижаты, и потому они на большие свечки похожи. Кипарисами называются.

Это самый ранний автобус. Мы уезжаем «от греха подальше» — так мама сказала. Вот она у меня какая непонятная: обзывается и злыднем, и издевателем, и дурой, ещё говорит, что я ей даром не нужна. А пусть! Всё равно я ей не поверю. Всё равно в Королевство Радости с собой возьму.

И почему мне так радостно стало, будто меня хвалит кто-то? Никто ведь со мной не говорит, и народу в автобусе мало. И те, кто едут, на нас с мамой не смотрят. И ничего они про нас не знают...

А вот и нет! Есть в этом автобусе *Кое-кто* — и *Он* знает про меня всё, и сейчас на меня смотрит. Это *Дяденька* мой *Светлый*. *Он* сзади нас сидит и весь-весь светится. Ну какой же *Он* сейчас красивый!

— Мам! Смотри — *Дяденька* мой красивый!

Как она испугалась! Вскочила и тут же назад повернулась, куда я ей показала.

— Где? Какой дяденька? Наташка, что ты меня пугаешь? Где ты дяденьку увидела?

Странно, почему я *Его* вижу — моего *Дяденьку Светлого*, а мама — не видит? И тётя старая, которая совсем рядом со *Светлым Дяденькой* сидит, тоже *Его* не видит — достала кошелёк, копейки свои считает...

Бородатый хозяин бородатого дома

— Это город Адлер. А теперь пойдём искать, где мы жить будем.

Мы с мамой пошли по тем улицам, где дома маленькие, — всего в один этаж. Улицы эти прямо не идут, они вверх-вниз бегут, влево-вправо. И дома тут друг на друга не похожи: деревянные, кирпичные, с балкончиками, с крылечками, с верандами. С большими крышами — будто ещё один этаж, и с маленькими.

В одном доме нам сказали, что у них уже мест нет — столько много отдыхающих поселилось. В другом доме маме не понравилось. В третьем — дорого. А вот ещё дом — за каменной оградой. Она из камней выложена. А по ограде вьюн вьётся. И так он разросся — словно борода зелёная по всему дому.

А из бородатого дома к нам бородатый дядя вышел. Только борода у него не зелёная, а самая-самая человечья.

— Вы тут хозяин? — спрашивает мама.

— Да, я — хазаин. Прахадыте.

И мы с мамой проходим.

Бородатый дядя ведёт нас в маленькую комнатку в деревянной пристройке.

— Здесь жить будете.

— А цена? — спрашивает мама.

— Вай, дарагая! — улыбается бородатый и руками разводит. — Цена как цена.

И он говорит цену. Цена маме не нравится. Но в других домах ещё дороже. И мы остаёмся.

— Мам! Почему он говорит неправильно?

— Нерусский потому что. Другой национальности. Только ты его об этом не спрашивай. Вдруг рассердится.

Кроме нас с мамой здесь ещё восемь квартирантов живут. И все бородатого Хозяином называют. Значит, его зовут так — Хозяин. Странное имя. Но ведь у всех нерусских имена странные.

С утра Хозяин по двору ходит — виноградник из резинового шланга поливает. Потом кепку с себя снял, чтобы пот со лба утереть, а лоб у него на полголовы! Потому что волосы на голове у Хозяина только сзади растут, а спереди — лысина.

А солнышко припекает и припекает. Хозяину всё жарче и жарче. Он и рубашку с себя снял. А грудь и спина у него тоже — бородатые. И даже на пальцах чёрные волоски торчат. Ну и медведь!

— Что смотришь? — говорит Хозяин. — Памагай давай.

И шланг мне подаёт. И, пока я шланг держу, он полные пригоршни воды набирает и — плюх себе в лицо. Плюх — на шею.

— Хозяин, а вода-то холодная. Не страшно тебе такой холодной поливаться?

А Хозяин улыбается во весь рот, и в глазах его смешинки прыгают.

— А тебе страшно? — спрашивает он.

Его, наверное, все боятся. А ему, как и мне, хочется, чтобы его все любили. Вот если бы он свою страшную бороду обрезал, тогда бы его никто больше не боялся. Но как сказать ему об этом? Мама меня учит, что нельзя взрослым говорить, что они некрасивые. Даже если они очень некрасивые.

— Хозяин, а ты подстриги бороду, и тебе жарко не будет. Мы, когда сюда приехали, так мама сразу меня подстригла. Чтобы мне жарко не было. Хочешь, я попрошу — она и тебя подстрижёт? Ну, хотя бы на спине?

Хозяин смеётся. А смех у него, как гром:

— А-ахх-хах-ха! А-ахх-хах-ха!

И когда он смеётся, у него из бороды зубы видны. Крупные, белые, как кусочки сахара. И один, спереди, — золотой.

Отсмеявшись, Хозяин приседает возле меня на корточки и расспрашивает — как меня зовут, как зовут мою маму и откуда мы приехали.

Почему ползунчиков нельзя в руки брать

Наверно, я Хозяину понравилась, потому что он разрешил рвать у него в саду всё, что мне хочется. Ягоды, груши, абрикосы, яблоки — то, что раньше мама только на рынке покупала.

У самого забора растёт дерево, на котором можно гусениц вырастить специальных, которые шёлк делают. Так мне Хозяин сказал. Это дерево так и называется — шелковица. А ягоды на шелковице на малину похожи и сладкие-пресладкие. Даже пальцы от них слипаются. И потому я эту шелковицу всю-всю общипала, где достать смогла. Но мне еще шелковицы хочется, а другое такое же дерево возле дома напротив растёт. То есть там не дом, а развалины, теперь там никто не живёт. Потому и шелковица в том дворе никому не нужна. И ветки у неё так низко, что я сама могу дотянуться и не просить никого, и никто меня за ягоды не заругает — сад-то ничей. Там даже забора нет, то есть раньше-то

была ограда из камней, как у Хозяина, а теперь камни развалились и ограда как рваная — в одном месте высоко, в другом — так низко, что перешагнуть можно.

Я так и делаю — перешагиваю.

Вот она, шелковица. Вкуснотища-то какая!

А рядом, в камнях, какие-то ползунчики шевелятся. Я таких никогда ещё не видела. Они на червяков похожи, которые на асфальт после дождя выползают. Только эти длиннее. Лапок у них тоже нет — только туловище.

А красивые-то какие! Все в узорах! Интересно, их можно руками трогать? Или не надо? Вдруг они от этого умрут? Рыбка-то из аквариума умерла, когда я её в руках держала...

А я проверю. Если я руки к ним протяну и они не испугаются, значит, можно их трогать. Нет, ползунчики не боятся. Я их пальцами трогаю, а они меня трогают вилочками. Они из головы вилочка такие высовывают и тут же убирают. Улитки так же рожки высовывают и убирают, когда знакомятся.

Они совсем расхрабрились — прямо на руки ко мне заползли! Теперь мне осторожней надо быть — как с бабочками. Если бабочка сама на меня села, я её хватать руками не должна, а то крылышко ей поврежу, и она умрёт. Так мама говорила. А вдруг эти красивые ползунчики тоже как бабочки — нежные?

Я даже погладить их боюсь — вдруг умрут? Только руки поворачиваю, чтобы им было ползать удобнее. Как они между пальцев скользят легко! Как ленточки атласные... И такие же прохладные, как атлас...

...Ой, почему это сзади меня светло стало? Кругом — тень от шелковицы, а сзади меня — что-то светится. Ух ты! Да это же Он — мой Дяденька Светлый — сзади встал и мои руки своими руками тихо-тихо обнял. И тоже со мной ползунчиков разглядывает. Я даже и не заметила, когда он тут появился. Как будто и всегда тут был.

Вроде на нас кто-то смотрит? Да, так бывает — глазами не видишь, а всё равно знаешь, что кто-то смотрит. Я оборачиваюсь — так и есть, мама совсем недалеко.

Стоит и молчит. Рот открыла, но не говорит ничего. А лицо у неё такое, как в тот раз, когда меня у неё купить хотели.

— Мама! Ты чего?

Мама молчит и руки ко мне тянет. Странно...

Надо к ней идти. Но сначала я ползунчиков на землю отпускаю. Я помню, как рыбка из аквариума на пол упала и умерла. Наверно, потому, что ударилась. А ползунчиков тоже осторожно надо на землю опустить, чтобы им больно не сделать. Вот так, потихонечку — как мой Дяденька Светлый их опускает.

А теперь — к маме. Рядом с мамой уже Хозяин стоит и все его квартиранты. А мама почему-то упала и лежит. И молчит, будто умерла.

— Обморок, — говорит один квартирант.

Ой, что это они делают?! Прямо по щекам маму бьют! Я только открыла рот, чтобы их отругать как следует, а они с меня почему-то всю одежду стащили. Осматривают, ощупывают:

— Тебе не больно?

— Нет.

— Совсем нигде не больно?

— Не-а.

Странно... Почему это они думают, что мне больно? Вот маме моей больно — её же по щекам били. А теперь ещё зачем-то с ведрами прибежали и на маму всю воду из ведер вылили.

И тогда мама глаза открыла. Встала и плачет:

— Наташка! У тебя ничего не болит?

Когда взрослые успокоились и мы все во двор к Хозяину вернулись, меня расспрашивать стали:

— Ты хоть знала, кого в руках держишь?

— А что? — говорю я.

— И как это они не укусили тебя?

— А они кусаются?

— Так кусаются, что умереть можно.

— Это ж тебе не червяки! Это — змеи. Ядовитые!

— И как ты только в руки-то их взяла? Неужели не страшно было?

— Зачем ты вообще туда пошла?

А мама плачет:

— Нет, это не ребёнок! Изверг это — вот кто! Смотрю — нет и нет нигде моей Наташки. Пошла искать. А как увидела — так и с места не могу сдвинуться, как в землю вросла. А она мне: «Мама! Мама!» Издеватель...

Почему Хозяин не будет моим папой

Мы втроём под навесом во дворе сидим, мама картошку чистит, а Хозяин меня на ногах качает. Сначала на одной ноге, потом — на другой, затем над собой поднял и вокруг навеса побежал. Это ты на самалоте лэтишь, говорит.

До чего у него руки сильные! Он и дом этот, где живёт, сам построил. Каждый камень сам вверх поднимал.

— Как всё. У нас всё так, если ты мужчина — сам дом себе строить должен. Всо у мэня есть, — говорит Хозяин. — Дом есть, виноградник, дэньги. Только хазайки нэт.

— Но ведь была же когда-то, — улыбается мама.

— Была. Тэперь отдельна живёт. А я адын остался.

Хозяин вздыхает тяжело и на маму смотрит. Ну, что же мама — не знает, что ли, как его утешить?

Зато я знаю:

— Хозяин, а давай мы у тебя хозяйками будем? А, мама? Давай?

— Ай! — это мама ножом порезалась. — Наташка! Ну, сколько раз говорить — когда я готовлю, под ногами не вертись! Ну, наказание, а не ребёнок!

Мама держит во рту раненый палец, Хозяин к себе домой сходил и пластырь принёс.

— Давай палэц — заклею.

Хозяин так на маму посмотрел — будто приказал. И мама его послушалась.

Хозяин ей палец пластырем замотал и моток ножиком отрезал. А потом взял мамину руку в свою великанскую, волосатую и палец заклеенный маме поцеловал.

— Это чтоб быстрее заживала, — сказал.

А мама почему-то испугалась. Стоит и не знает, что делать.

— Баицься? Прасты мэня.

Хозяин вздохнул и домой к себе ушёл.

— Мам! А почему ты его боишься?

— Не боюсь я его. С чего ты взяла?

— А он тебя любит. Он пальчик тебе поцеловал. Ты же тоже меня целуешь там, где я ушибусь. Потому что любишь.

— И что?

— Он тебя любит, а ты его боишься. А так нечестно.

— Много ты и понимаешь, что честно, а что — нечестно.

— Мам! А ты скажи Хозяину — пусть он у нас папой будет.

— Что-о?! Папой? Да он в отцы мне годится!

— А вот и не тебе! Чур, он только моим папой будет!

...А вечером я Хозяина увидела и даже не узнала сначала — борода у него теперь не до самых глаз, как раньше, теперь и щеки видны, и рот его с белыми зубами.

— Хозяин! Как у тебя лица теперь много! Ты такой красивый стал!

А под навесом, где мы обедаем, дяди какие-то сидят незнакомые, такие же волосатые, как Хозяин, с такими же глазами чёрными, с такими же носами большущими, как у него. И о чём-то с Хозяином говорят по-своему, не по-русски. Наверное, про нас с мамой говорят, потому что всё на маму смотрят.

То на маму, то на меня. То опять друг с другом говорят, то спорят о чём-то, то головами кивают. А маме не понравилось, что они про неё говорят, и она меня в нашу комнату увела. А потом к маме тётенька пришла из соседнего дома. Мама у неё молоко для меня покупает.

— Людмила! — шепчет тётенька, — что скажу-то тебе! Хозяин-то ваш свататься к тебе собрался.

— П-ф-ф! — Мама смеётся в ладошку.

— Что смеёшься-то? Думаешь, они как русские сватаются? Он же турок. А по их обычаям у них может и две жены быть, и три.

— Как — три? А законы-то советские?

— Так он с двумя может быть в разводе, а с последней в браке. Но ни одну не бросает. И каждой деньги даёт. И немалые деньги.

— Ой!

— Да ты что, в первый раз такое слышишь? А когда женщина ему нравится — турку-то, так он её и похитить может. По их обычаю...

...Я не знаю, что такое «турок». Наверное, обзывательство такое.

— И никакой он не турок! — говорю я тёте. — Он хороший. И не ругай моего Хозяина.

— А ты помолчи, когда тебя не спрашивают, — обрывает меня мама. — Как же он меня похитит?

Мама глядит на тётю из соседнего дома и губы кусает. Она всегда так делает, когда ей побыстрее придумать что-то надо.

— Похитит? Просто. Увезёт в горы и будет там держать, пока по закону всё не оформите.

— Ну и обычай... А если я не хочу?

— Если не хочешь, то уезжай быстрее. И так, чтобы он не знал.

Почему я больше не артистка

Мы с мамой уезжаем так, чтобы Хозяин не знал. Рано утром, пока все ещё спят.

Хозяин догоняет нас уже у вокзала:

— Убигаишь? Злой ты женщина! Ты скажи, что я тебе плахова сдэлал? Чем обидэл?

Он до самого поезда маму то остаться уговаривал, то чемодан наш грозился выкинуть, то рывкал что-то ругательское на своём языке.

А когда поезд пришёл, он нам в вагон помог забраться. И чемоданы наши затащил. И ушёл. И не оглянулся. И не сказал больше ничего.

А мне его жалко стало. Я раньше думала, что только маленьких обидеть легко, а таких больших и сильных, как Хозяин, никто обидеть не может.

Мама сидит в вагоне и думает, думает. Целый час уже думает и молчит. И меня как будто не видит.

— Ма! Ма!

Мама словно просыпается.

— Мам! Зачем мы от Хозяина сбежали?

Мама может и не объяснять — я сама знаю, почему: я на лицо мамино смотрела, когда Хозяин ее остаться уговаривал. По лицу её поняла — боится его мама. Я про другое её спросить хочу: разве не обидно Хозяину, что его боятся?

— Наташа! За водой пойдём.

И я иду за мамой до конца вагона. У титана с водой мама поворачивается ко мне. Ой! У нее лицо такое, что она меня, наверное, отшлёпает.

— Наталья! Во-первых, здесь совсем чужие люди... Ты не видела, как все на нас обернулись? Позорище ты моё!

— А что?

— Ты в следующий раз думай, что говоришь! «Зачем мы от хозяина сбежали...» Можно подумать, что мы рабы и у нас хозяин, а мы от него сбежали.

— А кто такие «рабы»?

— Ой! Ну, мы с тобой собаки, что ли, что у нас хозяин есть? Собаки, да?

— Нет, не собаки.

— Вот и молчи лучше.

— Мама, нельзя тебе от Хозяина убегать! Жениться надо было на Хозяине.

— Да пойми ты, дурочка, не наш он. Не нашей национальности. У нас свои обычаи, у турков — свои. Наплакалась бы я с твоим Хозяином. А теперь — всё! Чтобы больше вопросов не было!

Мама меня не отшлёпала, а почему-то плакать хочется. Как будто меня наказали. Опять «национальность, обычаи».

Я! Ты! Он! Она!

Вместе целая страна.

Вместе дружная семья,

В слове «мы» — сто тысяч «я».

Опять София Ротару поёт. К морю мы ехали — она эту песню пела. И обратно едем — та же песня. Только мне теперь подпевать не хочется. Разве мы дружная семья, если друг друга боимся, как мама Хозяина? Разве дружная, если друг другу не верим?

— Наташа! Ты что же платье-то рвёшь?

А правда, зачем я его рву? Сама не знаю. Сидела-сидела и вдруг оборку обрывать начала. И платье-то — мое любимое, я в нём ещё туда, в Сочи, ехала. И перед всем вагоном песни пела и стихи читала, за эту самую оборку держалась.

— О-о-о! Кого я вижу! Артистка!

Тётяшка в полосатом платье шла-шла по коридору и вдруг в наше купе свернула. Да я же её знаю! Мы вместе в Сочи на поезде ехали! И дядю этого с ней помню.

— Нет, ты глянь, глянь, — толкает она его под руку. — И на юг вместе, и с юга вместе. — И ко мне: — Ты что-то невёселяя. А, артистка?

— Я больше не артистка.

— Не рви платишко. Обидели тебя? Да? Обидели? — Полосатой тётке так со мной поговорить хочется. Вот скажи я ей, что меня тот-то и тот-то обидел, — и она его наказывать побежит. Точно знаю, что побежит. Со всех ног. Но кого тут наказывать? Не маму же...

Как я все сокровища раздала

Из Адлера мы с мамой с двумя чемоданами уехали. Один большой — с одеждой, босоножками и кремом от солнца, а другой игрушечный, маленький — с камушками, морскими ракушками и стёклышками. Я сама всё это на берегу моря собирала и в чемоданчик свой складывала. А когда в него уже не помещалось, тогда в мамин, большой, складывать стала. А мама рассердилась:

— А ну тебя, Наташка, с твоими сокровищами! Не повезу я их домой. Выкину, так и знай!

Но выбросила мама только из своего чемодана. А то, что в моём чемоданчике, — оставила.

— Только сама свои сокровища потащишь.

— А сокровища — это что?

— Сокровища — это что-нибудь редкостное, то, что дорого стоит. Ради сокровищ люди за тридевять земель готовы ехать. Моря готовы переплыть.

— Значит, у меня — сокровища? Да? Мама! Ну, чего ты смеёшься?

— Охо-хо. Да сокровища, сокровища...

Вот и привезли мы с мамой домой два чемодана — один простой, а другой с сокровищами.

— Мама, а можно, я сокровища в садик возьму?

— Ну вот! Тащили-тащили, а потом — в садик?

— Они ведь такого не видели!

— Раздашь, что ли, всем по камушку?

— Нет, не буду. Жалко.

— Не раздашь, так отнимут. Да дело твоё — неси.

Привела меня мама в группу, а группа наша уже не средней, а старшей называется. Потому что нам пять лет исполнилось. Называется группа по-новому, а все какими были, такими и остались: так же дерутся и так же обзываются.

А я уже не такая. Я новая приехала! Я же столько увидела, и обо всём рассказать надо. Про то, какое море зелёное и красивое, и какое оно страшное, если зайдёшь поглубже, а плавать не умеешь. А когда волна от берега убегает, то хочет всё с собой утащить — и камушки, и песок, — всё, до чего дотянется. Но только море убежит, как назад возвращается.

И я показываю, какая большая волна накатывает на берег — руки поднимаю и на цыпочки встаю. А потом волна опускается — и я приседаю, руки опускаю, потом голову, на колени встаю и руки вперёд протягиваю — это волна расплылась по берегу и камушки выкинула — старые и новые.

Я и камушки из чемоданчика достала. Одни, как черепахи, — плоские, круглые и в пятнышках. Другие, как снежок, который из снега слепили, беленькие, кругленькие и в блёстках сверкающих. А ещё у меня такие камушки есть, будто на них нитки намотали.

А ещё есть камушки гладкие-гладкие, плоские-плоские. И по ним будто деревья нарисованы.

И ракушки я из чемоданчика достала и разложила, чтобы все посмотрели. Они совсем маленькие — с мой палец, и каждая на крошечную башенку похожа.

А вот стёклышки. Когда в море разбитая бутылка попадает, то море осколки трёт и крутит, и стёклышки так в волнах обкатываются, что совсем неострыми становятся. Как будто море старается, чтобы этими стёклышками никто не поранился, — потому и закругляет их. Это как я петушка леденцового на палочке облизываю-обкатываю — и он тоже закругляется. А море так стёкла оближивает. Много же морю потрудиться надо, чтобы осколки гладенькими стали! И когда они заглядятся, они на камушки драгоценные похожи, которые тёти в серьгах и кольцах носят.

Когда я всё рассказала и весь чемоданчик посмотреть дала, у меня стали просить хоть что-нибудь из сокровищ. Я и раздала: сначала тем, с которыми дружу хоть немножко, а потом и остальным, чтобы никому было не обидно.

Один только Моська не просил ничего: думал, раз он меня бьёт, то я ему ничего не дам. И, пока я сокровища раздавала, он один в углу сидел, и лицо у него было такое, будто его наказали. И тогда я сама к нему подошла. И ракушку подарила с камушком. Моська заморгал-заморгал глазами и покраснел. Это ему стыдно стало, что он меня бил, а я ему ракушки дарю. Но я же сама знаю, каково мне, когда меня стыдят. И я ему отдала самое лучшее сокровище — камушек с белыми и красными пятнышками. Он на яйцо похож. И у Моськи такое лицо стало... красивое, умное лицо! А раньше я его красивым не видела. Потому что он мне ничего хорошего не делал. И я ему тоже. А сейчас он совсем другой. Значит, я тоже умею, как Лена Бертус, из Моськи Злов выгонять! А я и не знала...

И как же здорово стало у нас в группе! Как будто опять Новый год с подарками! Все такие красивые! Потому что когда человек радуется, тогда он и красивый! Даже светится весь, как *Дяденька мой Светлый*. Совсем как в Королевстве Радости...

А Маринка Ковалёва мне вот что сказала:

— Дура ты, Наташка! Я бы никому ракушки раздавать не стала.

— Почему? Всем ведь хочется.

— Вот и пусть всем хочется. Пусть бы они за мной ходили и упрашивали. А я бы ходила — воображала. А ты — дура.

Странная она, эта Маринка. Как других — так сразу воображалой зовёт. А самой по-воображать ужас как хочется.

Почему я Эльке в чай хотела плюнуть

Я-то радовалась! Я думала, наши навсегда останутся добрыми.

А неделя прошла, и они уже обо всём забыли.

Даже мои камушки и ракушки им больше не нужны.

Вчера на прогулке Элька с Маринкой на одной ножке скакали и камушки дарёные по асфальту пинали — кто быстрее до забора допинает. А когда допинали — ушли, а камушки оставили.

У Андрюшки Сидоренкова его камушек упал из кармашка. Андрюшка поднять его хотел, оглянулся и передумал — не поднял. Я подняла и себе взяла.

А Моська нарочно свою ракушку ботинком раздавил, проверял — расколется или нет. Она не сразу раскололась. Только тогда, когда он по ней раза три каблуком притопнул.

А я чуть не заплакала.

А сегодня утром, когда мы из спальни выходили, я под одной кроватью, у двери, стёклышки увидела, которые море облизало. Я их подарила кому-то и забыла — кому. Теперь они ненужными стали и по полу валяются. Вместе с перьями от подушек и фантиками конфетными. А, может, их уронили и ищут? Нет, никто их не ищет. Ни после зарядки, ни после завтрака. Уже на прогулку надо, а их всё равно никто не ищет.

Мы на прогулку идём, а нянечка тётя Зина — в спальню. С ведром и шваброй — пол мыть.

Ой, она же стёклышки мои сейчас выметет и выбросит! Она же не понимает, что это — сокровища.

И я потихоньку от Анны Николаевны с улицы в группу вернулась, а тётя Зина пол в спальне моет. И в том углу, где только что стёклышки мои были, — пусто. Так и есть — она их уже вымела и в ведро с мусором высыпала.

— Тётя Зина!

— А? А ты почему не на прогулке?

— Тётя Зина, а можно я сокровища свои заберу?

— Какие ещё сокровища? Ну, проходи, забирай. Обувь только сыми.

Она отвернулась и опять за свою швабру — шварк-шварк по полу. Под одну кровать, под другую. А я всё, что в ведре мусорном было, на пол высыпала. Так искать легче.

Вот они, мои стёклышки! Нет, не они. И это не они. Я даже на коленки встала, а всё-таки их не вижу.

— Наташа!

Это тётя Зина обернулась:

— Ты зачем мусор высыпала?

— А ты мне разрешила!

— Что я разрешила? Зачем озоружешь? А ну иди отсюда!

— Я ещё не нашла...

А тётя Зина меня за руку схватила и грозитя:

— Вот кому-то я по попе веником!

Я вырвалась — и опять к мусору. Мне же найти надо!

— Наташа Краюхина! — Это Анна Николаевна с улицы пришла. — Вот ты где! Наташу только с собаками искать! Что тут делаешь?

И Анна Николаевна меня до самого обеда в угол поставила.

— Посмотри, на кого ты похожа, Наташа! Посмотри, посмотри на свои колготки.

Я и так вижу — мама мне в садик совсем новенькие колготки дала, с бирочкой магазинной. Но у тети Зины в ведре какие-то ягоды были чёрные, а когда я мусор высыпала и на коленках по мусору поползала, я эти ягоды раздавила. Теперь все коленки в пятнах.

— Это ничем не отстираешь, — говорит Анна Николаевна. — Поросёнок ты, а не девочка. Попадёт тебе от мамы!

А Элька Зайцева за Анной Николаевной повторяет:

— Попадёт тебе от мамы.

Все наши смеются. Потому что Элька совсем как Анна Николаевна сказала. И даже головой так же покачала. А Элька ещё старается:

— Поросёнок ты, а не девочка.

И опять всем смешно:

— Поросёнок, поросёнок! Попадёт тебе от мамы!

А чего это они обзываются? И почему так рады, что мне попадёт?

Я из-за этого до самого тихого часа проплакала.

— Наташа! — говорит Анна Николаевна. — Хватит плакать. А то без глаз останешься — всё выплачешь. Кто виноват-то? Кто с прогулки убежал? Ты?

— Я.

— А мусор из ведра кто высыпал? Ты?

— Я.

— И ещё скажи, что нечаянно. Нарочно же? Нарочно! А колготки кто испачкал? Вот и подумай над своим поведением.

Я и думаю. Только совсем не так, как Анна Николаевна.

Мы уже в кровати легли. Тихий час. Кто ещё не спит, тот притворяется, что спит, потому что Анна Николаевна между кроватями ходит. Я к стене отвернулась — будто тоже сплю, а на самом деле меня слёзы жгут.

Дураки они. Даже не дураки, а ещё хуже. А я-то им все свои сокровища раздарила... Дура я! Правильно Маринка и сказала — дура. Никому больше ничего не подарю. Никогда. И дружить ни с кем не стану. Сегодня же Моськину машинку раздавлю, как он ракушку раздавил. А Эльке... Эльке в чай плюну, когда полдник нам дадут. Вот Моська как-то раз взял и плюнул в мой чай. И мне так обидно было! А я тоже Эльке возьму да и плюну. Пусть и ей обидно будет.

«Не стыдно тебе?» — будто спрашивает меня какой-то голос.

И голос этот я не ушами слышу. Сама не знаю, как я слышу его.

«А вот и не стыдно! Не стыдно! А пусть эта Элька-дурелька не дразнится!» — отвечаю я кому-то.

И горячие слёзы катятся у меня из глаз и из носа. А пусть и они так же поплачут! Всем-всем в чай плюну!

— Наташа! — Анна Николаевна ко мне подходит. — Хватит плакать! Спать пора.

Анна Николаевна гладит меня по голове. Я отодвигаюсь от неё подальше.

— Ах, ты так?! Ну-ну... Больше не подойду к такой вредной и упрямой!

Анна Николаевна от меня отошла. А ведь ей жалко меня стало....

Без одеяла всё-таки холодно. Я закутываюсь. Всё равно холодно. Даже зубы друг о дружку стучат. Так всегда бывает, когда долго плачешь.

Кто мне камушки вернул

Меня укутывают. Наверное, Анна Николаевна. Скинуть одеяло или нет? Нет, это не одеяло. Даже не знаю, что это такое. Как облако — белое, лёгонькое, тёплое. Это оно меня собою обняло. Оно любит меня, это облако. Даже больше, чем мама. Оно всегда меня любило.

— А я тебя узнала, — говорю я облаку. — Ты *Дяденька мой Светлый*. А раньше ты другим был.

— И ты тоже другой была, — грустно говорит облако. — Разве ты мечтала кому-то в чай плюнуть?

— Это у них я научилась...

— Они не помнят, какими были у нас, в Королевстве.

— А вот и помнят, помнят! Когда я им сокровища из чемоданчика раздала, они со-всем такими же были. А потом...

— Не плачь о том, что потом.

— Почему это кончилось?

— Здесь всё кончается.

— А я насовсем хочу.

— Насовсем — только у нас. А здесь — даже один день, как у нас, — это много. И один этот день им подарила ты.

И хорошо, что *Он* мне так сказал, — обида моя тут же растаяла, как кусочек сахара в чае.

А ещё в моей руке камушки появились: беленькое с блёстками, как снежный комочек; круглое, в крапинку, — как яйцо; красненькое в полосочку, будто на него нитки намотаны, и плоское, с рисунками непонятными.

— Спасибо! — говорю я *Ему*.

Но как мало сказать только спасибо! «Я, как ты, буду» — вот что нужно было! Но *Он* уже прощается со мной, уплывает вверх, под потолок.

— Вставай! — говорит *Он* мне. — Вставай! Мама за тобой пришла.

...Я открываю глаза. Нет никого. И камушков в руке тоже нет. Это мне сон такой снился. Странно... Моего *Дяденьки Светлого* я не вижу, а знаю, что *Он* здесь. Но бывает же, когда в прятки играешь: придёшь искать в одной комнате — не видно никого, и в другой — тоже, и всё равно угадаешь, в какой на самом деле никого нет, а в какой кто-то спрятался.

Я тихо-тихо, на цыпочках, выхожу из спальни. И слышу — тётя Зина кому-то про меня рассказывает:

— Пришла и говорит: «Можно я свои сокровища заберу?» Ну, я думала, — за игрушкой какой пришла. Проходи, говорю.

— П-ф-ф!!! — смеётся кто-то в ответ тёте Зине. Это мама так смеётся! Это с мамой тётя Зина разговаривает. — Так и сказала — «сокровища»?

— Так и сказала. Я и моргнуть не успела, а она — шасть к ведру, — и всё на пол вывалила! И — бух! — в мусор коленками. Видите, что с колготками сделала? Какие у неё сокровища в мусоре?

— Это камушки у неё — сокровища! — смеётся мама. — Которые мы с юга привезли.

— Мама! — Я выхожу из-за двери.

— Наташа? Уже встала?

— А я знала, что ты здесь.

— Говорила я тебе, не бери ты в садик свои камушки. Говорила? Так ты не послушалась. Видишь теперь — через неделю они уже и не нужны никому.

— Но почему?

— Это только тебе они дороги. Ты, когда берёшь их в руки, сразу море вспоминаешь. Так ведь?

— Так.

— А когда ребята ваши их в руках держат, они ничего вспомнить не могут. Вот потому для тебя они — сокровища, а для всех прочих — мусор. Поиграли и забыли. Так стоило ли и нести такую тяжесть? Стоило раздавать-то?

— Стоило! — говорю я.

«Здесь даже один день, как у нас, — много. И этот день им подарила ты», — так мне *Дяденька мой Светлый* сказал. И я *Ему* верю. Даже во сне. Но маме я про *Него* не расскажу. А то опять глупой обзываются будет.

Дома мама коробочку из-под туфель открыла, а там — и ракушки-башенки, и стёклышки, которые море облизало. И ещё камушки: беленькое с блёстками, как комочек

снега; черное в крапинку, как яйцо; красненькое в полосочку, будто на него нитки наматывали; и плоское с рисунками непонятными. Как раз такие мне *Дяденька Светлый* во сне подарил.

— Откуда это? — спрашиваю, а сердце так и колотится!

Но мама отвечает совсем не то, про что я подумала:

— Никто не дал. Я из твоего чемоданчика самое красивое потихонечку отложила. Иначе все твои сокровища так и очутились бы в мусоре.

О чём рассказала фотография

Открыла мама хлебницу, а хлеба у нас и нет. И пошли мы в магазин. А навстречу — тётенька с чемоданом. Шла-шла, потом в нашу сторону глянула и — к нам. Бежит, смеётся и кричит:

— Люська! Какими судьбами?

И начали они друг друга обнимать:

— Сколько лет, сколько зим!

— Лет шесть. Ты здесь откуда? — мама её спрашивает.

— В командировке.

— Нигде не остановилась? Идём к нам. Знакомься, Наташа, — это тётя Таня. Мы вместе учились.

Так тётя Таня к нам в гости пришла. И мама для неё со шкафа фотографии достала. Я их раньше не видела. На фотографиях этих столько людей незнакомых! И мама есть, и тётя Таня есть. А меня нет.

— Мама, а я тут где?

— Тебя тогда ещё не было.

Ну вот. Это она специально так. У них с тётей Таней, наверное, свои секреты. Они про меня забыли — сидят и про всех, кто там, на фотографиях, смешное вспоминают. А тётя Таня взяла одну фотографию, глядит то на неё, то на меня и говорит:

— Теперь своими глазами вижу — Колина у тебя дочка. Вся в него.

— А ты думала — в кого?

По голосу понимаю — мама сердиться начинает.

— Да разное болтали... И улыбка у Наташи — Колина. Она о нём что-нибудь знает?

— Рано ей. Да и страшно рассказывать. Виновата я кругом.

Так я и знала! Есть у них секрет от меня! Они даже говорить стали шёпотом. И я не вытерпела и подошла посмотреть, что же там, на фотографии, такое страшное? А там мой *Дяденька Светлый*. И я закричала:

— Мама, мама! Откуда у тебя мой *Дяденька*?

Мама то ли удивилась, то ли испугалась — такие у неё глаза стали круглые. Даже заикается:

— На-наташа! Где... где ты его видела?

— Мама, не бойся! Знаешь, как он любит меня!

Пришлось рассказывать про то, как он меня утешать приходит, как на юге нас охранял, как научил змей в руках держать бережно. И как обещал взять меня в Королевство Радости.

И вот удивительно — они с тётей Таней ни разу меня врушей не назвали!

— Люся! — говорит тётя Таня. — По-моему, нет смысла молчать дальше.

Мама кивает.

— Этот дяденька — твой папа. Его убили, когда он меня защищал. Но..

Как маме трудно говорить... Она будто не здесь, не с нами. Я знаю — она о нём, о Дяденьке, думает. О папе то есть.

— Душа твоего папы полетела на небо, — говорит тётя Таня, — но он боялся, что здесь вас некому будет защищать, и потому отпросился у Бога, чтобы быть с вами рядом.

Наверное, у мамы голова заболела: она голову руками обхватила и плачет. И улыбается почему-то.

— Да... — говорит она медленно, — вот тебе и зачёты по научному атеизму... Тань, а помнишь, как мы Колю Краюхина прозвали?

— Херувимчиком! — улыбается тётя Таня.

— Мам, а Херувимчик — это кто?

— Ангел. Видишь, какой красивый?

Да, вижу — на фотографии он красивый. А маму рядом с ним я еле узнала — у неё платье короткое и причёска другая. Губы улыбаются, а глаза страшные. Такими глазами Моська глядит, когда игрушки отбирает. Да ещё на фотографии мама накрашена сильно.

— Мама, ты тут страшная. Сейчас — красивая, а тут — чужая.

— Да, Наташенька, я и сама об этом думала. Не меня бы ему в невесты. Церковную бы, не современную, такую, чтобы и матом не ругалась. Чтобы стихи, как он, писала.

Тётя Таня улыбается, будто маму стыдит:

— Люся! А кто больше всех его вышучивал-то?

— Я и вышучивала. Он таким хорошеньким становился, когда краснел. Я его с первых дней заприметила, а он — ноль эмоций. Когда же он проговорился, что в церковь ходит, я подумала — надо его от поповских сказочек спасать, пока не поздно.

— Помню-помню ваши дебаты до темноты. Нашла, значит, чем парня за живое задеть, чем внимание к себе приковать.

— Знаешь, когда мы о религии до темноты спорили, я после уснуть не могла. От счастья. Целый вечер с ним, с чистым таким... Он же чистый был, помнишь? Как ребёнок... Я таких больше не встречала. Вот тогда-то я и подумала — может, Бог-то есть, если такое блаженство посылает?

— А с кавказцем тогда зачем связалась?

— С Суреном? Я Колю Краюхина хотела добиться. Любой ценой. По моему плану и вышло — Коля ревностью измучился и замуж позвал. Боялся, как бы Сурен его не опередил.

— Не приходило тебе в голову, что с огнём играешь? Что Сурен отомстит? Кавказцы обид не прощают.

— Я надеялась, обойдётся без мести. Сурена в тот момент домой вызвали. На свадьбу чью-то или на похороны. Когда Сурен вернулся, мы уж неделю как расписаны были. Ему бы отступить... Ну, остальное ты знаешь. А на суде Сурен сказал, что никого убивать не собирался, но — слово за слово... Они же народ горячий... Боюсь их теперь, как огня, кавказцев-то.

— Свила же ты себе удавку из грехов!

— Потому мы с Наташкой и одни. Мои такого мне наговорили... И возражать бесполезно, и самой от себя тошно. Я сама себя ото всех и отрезала — рожать к няньке своей уехала, к бабе Дусе. Она и с Наташкой сидела, пока я доучивалась заочно. Баба Дуся род-

ным писала, пока жива была. Жалостливая она у нас, тоже церковница. Я как-то с сессии приезжаю, а она меня перед фактом ставит: хочешь — серчай, говорит, хочешь — нет, но Наталью я окрестила.

— Ну?! А ты что?

— Делай, говорю, как знаешь. Лишний раз ребёнка в водичке искупать — вреда не будет... Что?

— Да тебе бы в ножки кланяться твоей бабе Дусе!

— Тань, ты в церковь, что ли, ходишь?

— Я — нет. У нас и церкви действующей в городе нет. Все заброшены. Бабушка моя каждое воскресенье ездила по любой погоде. Я думала — она по инерции верит в то, что ей с детства внушили. А вот племянница у нас — повод к размышлениям, Леночка наша. Ей-то никто о Боге не говорил, в церковь не водил. Они пару лет назад в аварию попали: отец с матерью погибли, а у дочки их, у Леночки, необыкновенные способности раскрылись: она помнит, как там была, в том мире. Много чего нам рассказала. Ну, примерно то же, что и твоя Наташа. Показать, кстати, племяшку?

Тётя Таня достала фотографию, а на ней — Леночка моя! Лена Бертус!

— Мама, мама! Это же Лена! Ты Лену Бертус помнишь?

...Потом они долго удивлялись, до чего мир тесен, и говорили обо всём, что мы с Леной давно уже знаем. Только не нашими, а их, взрослыми, словами, длинными и непонятными.

И опять про меня забыли. И пришлось мне тётю Таню теревить за рукав, чтобы, наконец, спросить про самое важное:

— Тётя Таня, а Лена Бертус теперь у вас дома живёт?

— Конечно. Где же ей жить?

— А вы меня к ней в гости возьмёте?

Тётя Таня засмеялась и меня на руки взяла:

— Нет, Люся, ты посмотри — она ещё спрашивает! Да не только возьмём! Мы теперь от вас и не отвяжемся. Хватит отшельниками жить!